

Сергей ЩИПАНОВ
ПО ТУ СТОРОНУ

@ЭЛИТА

18+

Сергей Щипанов

По ту сторону

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8883657

Аннотация

Молодая женщина прямо с новогоднего корпоратива попадает в Прошлое. Сможет ли она выстоять в суровом и беспощадном мире? Штормы и абордажные схватки, борьба со смертельными болезнями и козни инквизиции... Героине предстоят непростые испытания.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
I. Пиратка и маркиза	11
1	11
2	17
II. Трактир	24
1	24
2	30
III. Плата за ночлег	38
1	38
2	43
IV. Сон и явь	47
1	47
2	55
V. Самое важное	64
1	64
VI. «Опасный преступник»	74
1	74
2	76
3	81
VII. Ларискино «наследство»	85
1	85
2	90

VIII. «Я скромной девушкой была»	98
1	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Щипанов

По ту сторону

© ЭИ «@элита» 2014

* * *

Пролог

– Я не с пустыми руками, Илья Георгиевич. Такое привёз!

Вот, взгляните...

– Погоди, Костя. Ты чего, прям с порога... Давай, хоть, поздороваемся нормально.

Очень высокий крепко сложенный человек в очках, с зачёсанными назад волосами, плохо прикрывающими наметившуюся лысину, и рыжей кудлатой бородой, поднялся с кресла и крепко пожал руку своего молодого коллеги.

– Садись. Сейчас чайку организуем. Люся!

На зов явилась молоденькая лаборантка в белом халате с закатанными до локтей рукавами.

– Люся, сделай нам чайку, пожалуйста.

Люся стрельнула глазами в молодого человека, кокетливо улыбнулась. Пошла, цокая каблуками. Костя проводил её взглядом.

Хозяин кабинета усмехнулся в бороду, которую все время теребил большим и указательным пальцами. Этот похожий одновременно на разбойника и на дореволюционного профессора человек, на самом деле доктор исторических наук Илья Георгиевич Суходольский, в своё время был научным руководителем Константина Михеева, аспиранта из Калининграда. После защиты Костей кандидатской они продолжали общаться, регулярно созванивались; бывая в Москве,

Михеев всегда выкраивал часок: зайти в Институт Археологии на улице Дм. Ульянова возле метро «Академическая», повидаться с «Барбароссой» (так прозвали Суходольского аспиранты).

Сейчас бывший ученик заявился прямо с аэропорта – не терпелось удивить мэтра.

– Так что, говоришь, за сенсация у тебя? – спросил Суходольский, принимая из рук лаборантки чашку. – Спасибо, Люся.

Девушка поставила вторую чашку перед Костей, достала с полки вазочку с печеньем, опять стрельнула глазами, вышла. Голова парня, как намагниченная, поворачивалась следом за лаборанткой. Очень короткий халат не закрывал её длинных красивых ног и выгодно подчёркивал округлость упругой попки.

Илья Георгиевич снова усмехнулся:

– Ну, так?

– Да, именно сенсация! – воскликнул Костя, когда за Люсей закрылась дверь. – Почтище вчерашней, с метеоритом в Челябинске – второй день по всем каналам передают.

– Да, уж. Журналистам теперь на месяц хватит пережевывать... Так, что у тебя, не тyani, говори. Заинтриговал.

– Про нашу пресса ещё не пронюхала... На Литовском Валу, недалеко от Фридрихбургских ворот обнаружено захоронение. Там рыли котлован под здание, ну и наткнулись на могилу. Позвонили нам. Мы приехали, раскопали. Ока-

залось: единичное захоронение, мы датировали его второй половиной шестнадцатого века. Гроб неплохо сохранился, в нем останки: мужчина сорока-сорока пяти лет, судя по фрагментам одежды – парадному мундиру – важная птица, военный или крупный чиновник. Установили: на том месте до середины девятнадцатого века стояла часовня, построенная ещё в шестнадцатом столетии, возле неё, скорее всего и похоронили этого человека.

– Ну, так и что? – буркнул Суходольский. На мировую сенсацию сообщение бывшего ученика никак не тянуло.

– Терпение, Илья Георгиевич, всё по порядку. Покойник наш был застрелен – в глазнице черепа пулевое отверстие.

– Ах, вот как. Ну и?

– Мы нашли пулю – застряла в теменной кости, пробив мозг насквозь. Она хорошо сохранилась, хотя и почернела.

– О!

– Вот именно – о! Это и есть наша сенсация, – Костя, подобно опытному политику, приберёт самое главное «на десерт». – Пуля выпущена из нарезного оружия! Вот, посмотрите...

Он достал из кейса, который держал на коленях, пластмассовую коробочку, протянул Суходольскому. Тот открыл, вынул пинцетом упакованный по всем правилам артефакт. Пересел за лабораторный столик, повернул к себе большую лупу на кронштейне, включил подсветку.

Костя, прихлёбывая горячий чай, терпеливо ждал, пока

мэтр рассмотрит пулю со всех сторон.

Илья Георгиевич хмурился, сопел. Минут пять смотрел, не проронив и слова.

Вернулся за письменный стол, положил пулю обратно в коробку, взял чашку с чаем.

– Ну? – не выдержал Костя.

– Что, ну? – буркнул мэтр сердито. – А вы ничего не перепутали с датировкой захоронения?

– Обижаете, Илья Георгиевич! Мы сто раз проверили. Сделали анализы и костей, и дерева, из которого изготовлен гроб. Радиоуглерод дал четыреста тридцать, плюс-минус сто двадцать лет.

– Если на клетке с ослом написано «лев» – не торопись верить... Так, кажется у Козьмы Пруткова? Нарезные стволы появились, дай бог памяти, в пятнадцатом веке, верно?

Костя кивнул.

– Ну, так вот. К вашей пуле это не имеет никакого отношения – она от современного оружия! Я даже могу, навскидку, попробовать назвать марку: пистолет Макарова, калибр девять, двадцать семь... У вас в университете была военная кафедра?.. Если хочешь проверить – отдай пулю экспертам с Петровки.

– Незачем. Я же не совсем лопух какой-то, сам сразу понял: пуля от современного пистолета – она в латунной оболочке. И, тем ни менее, пролежала под землёй не одну сотню лет, голову даю на отсечение. Такой вот хронопарадокс.

– Голову! Это не научный аргумент, друг мой, – проворчал Суходольский. – Хронопарадокс! Ты кто – учёный или фантаст? Тебя же серьёзные специалисты на смех поднимут. Вот газетчики, тем только шепни. Растрезвонят на каждом углу, мол, учёные сделали сенсационное открытие: доказали возможность совмещения несовместимого! И пойдёт писать губерния.

Костя разволновался:

– Что же делать, Илья Георгиевич?!

– Наплюй и забудь. Пусть уголовный розыск разбирается.

Учёный старой школы, Суходольский не допускал реальности хронопарадоксов. Для себя он решил: либо ошибка имеет место, либо фальсификация. Третьего не дано.

А молодому кандидату наук Косте Михееву не хотелось расставаться с тайной. Быть может, только раз в жизни судьба делает такие щедрые подарки...

Часть первая

От Региомонтума до Гамбурга

I. Пиратка и маркиза

1

Климат на Земле окончательно «слетел с катушек». Весь год погода чудила: то небывалая холодрыга в марте, будто не на Балтике живём, а на море Лаптевых, то тропическая жара в августе, а в декабре – теплынь, не Калининград, а Средняя Азия, ей-богу. Моя новая дублёнка весь месяц не ношеной в шкафу провисела. Ещё немного – и деревья зацвели бы. А за день до Нового года очередной сюрприз: зимняя гроза, явление необычное даже для нашей мягкой зимы. С полчаса грохотала канонада, и сполохи в небе праздничным фейерверком полыхали, потом дождь зарядил, и всё это безобразие закончилось мокрым снегом.

Я, глядя в окно, зябко поёжилась и проворчала:

– Ну и погодка.

Задёрнула шторы, повернулась к подруге:

– Показывай, чего там у тебя.

Лариса вынула из сумки два туго набитых полиэтиленовых пакета. Когда она извлекла из них костюмы, первой моей мыслью было: «Господи, во что мне это обойдётся?!»

– Ты что, купила?!

Наверное, зря согласилась я пойти с Лариской на этот бал новогодний.

– Зачем же покупать? У меня знакомая в театральной мастерской. Этот Джека Воробья, а тот маркизы Помпадур. Ну, мне кажется, маркиза носила парчу, но... Зато пиратскую шляпу они по образцам из музея кроили, представляешь?

Я, наивная, решив, что предлагают выбрать, взяла розового шелка пышное с оборками и обсыпанное стразами платье.

Лариса поморщилась, но протестовать не стала.

– Хочешь померить? Прикинь на себя, конечно. Только знаешь, Снежок, тебе розовое не подойдёт. Твой цвет красный. Но было только розовое. Да и крой не твой. Здесь слишком глубокое декольте, а у тебя, подруга, бюст, честно говоря...

Не люблю, когда меня «Снежком» называют. Угораздило же родителей выбрать имя. Снежана! А я тёмненькая, скуластенькая, мне бы что-нибудь латиноамериканское подошло, что-то вроде Изауры. Кажется, был такой сериал бразильский? При знакомстве я обычно сокращаю своё имя, убираю первый слог и называюсь Жанной. А ещё не люблю, когда обсуждают мою грудь, хотя и не парюсь по поводу её миниатюрности.

– Кстати, – продолжила Лариса, – у Тamarки из третьей городской, ты её не знаешь, парень – косметический хирург. Так что, надумаешь сделать ботакс, или грудь нарастить – можно устроить, и недорого. Тамарка моя должница, я ей в своё время тёплое местечко с хорошим окладом нашла... Ах, да, чего я сказать-то хотела... Костюм пирата – самое то. И лицом ты на этого красавчика Джонни Деппа смахиваешь. Хи-хи.

– Вот как? Ну, спасибо за комплимент.

Я сделала недовольное лицо.

– Ничего ты не понимаешь! – воскликнула подруга. – Я как представила тебя в этом костюмчике, сразу поняла: все мужики твои!

– А меня ты спросила? Нет! Вот и сама наряжайся Воробьём, – заявила я тоном, не допускающим возражений, а про себя добавила: «Он как раз такой узкий, что все твои «преlestи» наружу вылезут».

Пусть Лариска в пиратов играет. Как племянник мой, Костик. Ему девять лет, и он обожает кино про Джека Воробья смотреть. А мне больше маркизой нравится. Её, между прочим, звали Жанной... Почти как меня. Только откуда видно, что это именно маркиза? Не примут ли меня в нём за обычную куртизанку?

Разговор происходил в квартире на пятом этаже кирпичной девятиэтажки. Квартира, само собою, родителей – своя мне не скоро светит.

Лариса пришла за три часа до начала корпоратива, который в клубе «Весёлый Роджер» устраивало наше министерское начальство. Мне туда сроду не попасть, но Лариска достала пригласительный – она большая шишка, референт министерства. Подруга моя на шесть лет старше, успела выскокить замуж и развестись, а солидности – ноль. При такой-то должности! За это я её и люблю.

Лариса, видя мою непреклонность, стала сдаваться.

А мне, чем дольше я разглядывала платье, тем сильнее хотелось его надеть, ощутить холод шелка и почувствовать себя маркизой... Хм, маркизой? Нет, разумеется, актрисой, исполняющей роль фаворитки Людовика XV. А что, слабо мне, что ли, капризно надувать губки, похлопывая по колену веером, или безбашенно веселиться, произнеся знаменитое: «После нас хоть потоп!»...

Эх, мерить, так мерить!. И я сняла с себя всё, оставшись в одних трусиках. Ну, взгляд Ларисы надо видеть! Меня обдало скепсисом с головы до пяток. Ой, да, конечно, я знала, что платье Ларка подобрала под свою фигуру... Но фиг вот ей. Надену!

Надела...

Лариска усмехнулась. Я взглянула на себя в зеркало шкафа. Ну и что, что великовато... О, к платью ещё и парик прилагается! Совсем чудненько. Вот тут только подтянуть, и булавками пришпилить.

Повертевшись у зеркала, я осталась довольна своим ви-

дом. Зря Лариска наговаривает, с моей изящной – скажем прямо, без ложной скромности – фигуркой любой наряд к лицу. Рост у меня чуть выше среднего, плечи, грудь, живот – всё пропорционально. Ноги... ну, не как у модели, конечно, не от ушей, но стройные – короткое ношу, нет нужды прятать. И лицом Бог не обидел: многие находят меня миленькой. Не знаю, какое сходство с Деппом углядела Лариска, разве что глаза похожи – такие же черные и выразительные...

А вот сюда, над губой, надо мушку приклеить. Мушки у меня нет, но есть косметический карандаш. Отлично! Вот только...

– Лар, а как ты определила, что это наряд Помпадур, а не гризетки какой-нибудь?

– Так у них на коробке написано: костюм маркизы Помпадур. Да какая тебе разница, просто будешь представляться любовницей короля – хочешь маркизой, хочешь графиней, Анжеликой, скажем...

– Лар, а ты не находишь, что я поправилась слегка. Растолстела, пора на диету садиться...

Лариска только рукой махнула. Ещё бы она согласилась! Такого бы я ей не простила – мало ли, что девушка про себя скажет, нельзя же, с ходу, соглашаться с ней...

Ларисе пришлось довольствоваться костюмом пирата Карибского моря: банданой из ярко-красного шифона, белоснежной атласной рубахой с высокими манжетами, коричне-

вой курткой из кожзаменителя, бордовыми бархатными штанами «пижамного» покроя на резинке, и широченными ботфортами. Шляпу она засунула под локоть. Напялив всё на себя, Лариса глянула в зеркало и скривилась:

– В цирке выступать. Кстати, что ты насчёт диеты говорила?..

– Да нормально! – возразила я. – Настоящий Джек Воробей!

– Ага, пират с бюстом третьего размера, ха-ха!

– Да ладно тебе! Ну, пираткой будешь, Кровавой Мэри какой-нибудь.

Мне совершенно не хотелось снимать платье и парик. Ну, дайте мне почувствовать себя обворожительной женщиной! Тем более парик в обычной жизни я никогда не надену. Ношу короткую стрижку, «каре». А волосы у меня, честно сказать, жидкие. Столько шампуней перепробовала. И все импортные, и яичный, и конский каштан... Эх, волосы – моё больное место.

Перед тем, как отправиться на бал, мы успели выпить на кухне по чашечке кофе и поболтать.

– Я тебя с Арнольдом познакомлю, – обещала Лариса. – Помнишь, говорила – у меня с ним как будто роман намечается... Ну, тот гинеколог из Центральной, помнишь? Между прочим, говорят, классный специалист, может пригодиться, хи-хи.

У Лары просто так знакомых не водилось. Любой мог при-

годиться: парикмахер, театральный рабочий, психолог, водитель такси, менеджер турфирмы, стоматолог, школьный зауч, антиквар... И ещё много, кого я не знала. Уверена, что потребуешься кто-то в роддоме или морге, то и там у Ларисы найдутся завязки. На все случаи жизни. «Ты мне – я тебе». Пару раз она и меня просила кое-что сделать для «хорошей знакомой». И мы, работники «скорой», бываем необходимы...

– Мне, гинеколог? Чего вдруг? Оставь себе.

Она наставительно подняла палец:

– Не зарекайся!

– Слушай, Лар, а ты уверена, что это хорошая идея – явиться наряженными? Мало ли, что объявили: «быть в костюмах», может, все в нормальных вечерних платьях придут, а мы с тобой, как две ненормальные?

Подруга замахала руками:

– Что ты, что ты! Сейчас везде такие балы, и все наряжаются, зуб даю! Мы с тобой ещё премии отхватим, за лучшие костюмы. Вот если б ты согласилась на костюм Воробья...

– Даже и не думай, не отдам!

В прихожей послышался шум: пришли мои родители.

2

Напрасно я беспокоилась: таких «ненормальных», как мы с Ларисой, на карнавал явилась добрая половина. Среди них

«маркиз» и «графинь» – пруд пруди. И к тому же феи, Летучие Мыши, Коломбины и Пьеретты. А в кого ещё женщине наряжаться? Не в Бабу-Ягу же. Так что с костюмом я, желая блистать на балу, явно промахнулась. Там такие роскошные дамы присутствовали, которым декольте сам бог велел носить: есть, что показать.

А вот Джек Воробей наличествовал в единственном экземпляре. Точнее, то была «пиратка Кровавая Мэри, краса и ужас южных морей». И северных тоже. Пара-тройка пиратов-мужчин имелась, но стандартные – с одинаковыми черными повязками, закрывающими «отсутствующий» глаз. Лариса же, в костюме Джека Воробья, сразу затмила всех: и пиратов и графинь. Дура я, что не послушалась подругу...

Впрочем, зависть к Ларискиному успеху не помешала мне веселиться от души.

Вечер организовали, как надо: танцы и фуршет, эстрадное шоу и конкурс песен-караоке (Ларисе там достался приз), и ещё что-то, забыла, что именно. Подруга, как и обещала, подвела ко мне своего гинеколога, представила нас друг другу. И – надо же! Этот холёный котяра моментально положил на меня глаз! Стал сыпать комплиментами и пошлыми остротами, всё время приглашал танцевать и выпить с ним шампанского, напрочь игнорируя Ларису. Та сначала делала вид, что не замечает такого возмутительного поведения своего ухажёра. Тем более что вниманием мужчин она сейчас вовсе не была обделена. Чуть ли не очередь выстроилась

из желающих потанцевать с «красавицей-пираткой». Но я-то видела: Лариска рвёт и мечет. И так неудобно мне сделалось, так неловко...

Но отшить Арнольда никак не удавалось. Просто взять и послать его я не могла: мужик не сделал мне, в принципе, ничего плохого. Я уж и так и эдак – куда там! Арнольд ещё пуще хвост распускал, что твой павлин, и не отпускал от себя ни на минуту. При этом он изрядно «нагрузился» шампанским и коньяком, и стал позволять себе чуть больше, чем дозволено в приличном обществе. Особенно по части острот.

– Знаешь историю, как Святославу Фёдорову, знаменитому офтальмологу, подарили на юбилей портрет? – рассказывал Арнольд, глуповато хихикая. – Там он был изображён на фоне огромного человеческого глаза. Так вот, Фёдоров посмотрел и говорит: какое счастье, что я не гинеколог. Хи-хи.

Арнольд скалил белоснежные зубы, а мне не до смеха было, ей богу. Но не «солёность» шуток тому виной – я поймала на себе убийственный взгляд Ларисы. Бог ты мой, весь гнев подруги теперь падёт на мою голову! Нужно срочно исправлять положение.

Арнольд, похоже, совсем забыл о Ларисе. Продолжал хохмить:

– А про гинеколога знаешь анекдот? Которого судили за убийство проститутки...

Тут я довольно бесцеремонно оборвала говоруна:

– Извини, мне в туалет надо.

Чёрт с ним, пусть обижается. А мне подруга дороже.

Сунув в руку Арнольда бокал с недопитым шампанским – поддержи, мол, – я быстро прошла к выходу, чуть задержавшись возле Ларисы – та в этот момент тоже выпивала в обществе Робин Гуда и одноглазого пирата.

– Лар, поговорить надо, – сказала я и вышла в коридор.

Подруга проследовала за мной. В коридоре целовалась какая-то парочка. Чтобы им не мешать, мы свернули в сторону и оказались у входа в раздевалку. Тут Лариса напустилась на меня, дав волю эмоциям – решила, должно быть, что я собираюсь просить её уступить мне Арнольда.

– Знаешь, подруга, такого свинства я от тебя не ожидала!

– Ларочка, подожди! Я здесь ни при чём, клянусь! Он же в меня, как клещ, впился. Никак отвязаться от него не могу...

Лариса глянула исподлобья, но промолчала. Обдумывала что-то. Я продолжала робко оправдываться.

– Гад какой, – сказала Лариса, наконец, – а ведь ещё вчера уверял меня, что я самая-самая... Надо его проучить! Давай одурачим этого донжуана – переоденемся. Я буду маркизой, ты – пиратом. Согласна? Пошли!

Лариса потащила меня в раздевалку.

– Давай, снимай платье скорее, – торопила подруга, стаскивая с себя костюм Джека Воробья. – У меня как раз полумаска есть, надена – он и не поймёт спьяну, кто перед ним. Посмеёмся, будет знать, как честным девушкам головы морочить.

Я не возражала. Мне и самой ужас как хотелось проучить Арнольда. Он явно решил «снять» меня на вечер, чтобы наутро забыть, как мимолётное приключение. Уж я-то знаю таких прохвостов...

Мы с Ларисой в темпе разделись. Она отдала мне шмотки Воробья, я ей шёлковое платье и парик.

– Оба на! – раздался вдруг нетрезвый голос из глубины раздевалки.

Мы обе взвизгнули и прикрылись тем, что было в руках. Я по пояс голая стояла, Лариса – в нижнем белье. Мы не удосужились проверить, а тут, в женской раздевалке, какой-то пьяный паразит обосновался.

– Убирайся! – закричала Лариса так, что в ушах зазвенело. – Сейчас охранника позову!

Когда непрошенный свидетель нашего переодевания удалился, мы, прежде всего, убедились, что теперь-то находимся здесь одни.

– Вот сволочи, – ругалась подруга. – А ведь с виду все порядочные люди...

Закончив переодевание, мы оглядели друг друга – всё ли в порядке. У меня потекла тушь, пришлось умыться, смыть косметику, которая, в общем-то, пирату ни к чему.

– Ну, Снежа, ты бесподобна. Отпад! А что я говорила?! Ведь костюмчик-то как на тебя шит.

– Ладно, пойдём.

Я ведь с самого начала знала, что костюм пирата Кариб-

ского моря мне больше к лицу, нежели розовое платье маркизы. Знала, но из глупого упрямства не хотела признаться даже самой себе.

Ничего, ещё наверстаю упущенное, покорю всех этим рядом, а Лариска пусть разбирается с гинекологом своим...

Но вот незадача: путь нам преградил... кот. Обычный беспородный котяра. Только чёрный, как в песенке, «от усов до хвоста был черней, чем сама чернота». Сидел, негодник, прямо у нас на дороге, и лапой морду намывал.

– Кыш! – крикнула на кота Лариска. Тот и усом не повёл.

Подруга – вот дурная! – свернула в боковой проход, не желая идти там, где «кот дорогу перешёл».

– Лар, ты чего?! – только и успела воскликнуть я.

Где-то над крышей гроыхнуло – гроза, наверное, опять. В здании погас свет.

В крошечной тьме я потеряла способность ориентироваться. К тому же тишина воцарилась полнейшая – до звона в ушах. И явно пахло озоном.

– Лар, ты где? – позвала я. В ответ – молчание.

Я осторожно пошла вперёд, вытянув руки. Шла долго, целую вечность – так мне казалось. Обрадовалась, нащупав твёрдую поверхность – кажется дверь.

Зацепилась ногой за мягкое, мякнущее жалобно – тот самый кот, не иначе, крутился в поисках выхода. Или входа.

Я неосторожно надавила на дверь, она резко распахнулась... в пустоту. Мне показалось – падаю в пропасть. Ужас

мгновенно сдавил горло смертельной хваткой, не дав и пискнуть.

Я отключилась.

II. Трактир

1

Бом... бом... бом...

«По ком звонит колокол?» – первое, что пришло мне на ум.

Господи, что со мной такое? И откуда звон этот? И запах. Вернее, целый «букет ароматов»: едкая смесь табачного дыма, винных паров, чеснока и горелого масла.

Я с превеликим трудом открыла глаза и подумала: уж не сплю ли? Вокруг полумрак, но и при скудном освещении ясно, что нахожусь я не в танцзале «Весёлого Роджера», а в незнакомой комнате с низким потолком и крошечными оконцами. Большую часть помещения занимал стол, точнее, сколоченное из досок сооружение длиной с дорожку боулинга. На грубой столешнице стояли плоски с плавающими в них горящими фитилями – светильники из сказки про Аладдина. Однако основной свет исходил сбоку, но не от лампы, и не от свечки какой-нибудь, а от самого настоящего очага, построенного, наверное, по рисунку на холсте из каморки папы Карло. В нем пылал огонь и булькало варево в закопчённом котле, висящем на толстой железной цепи.

Сюрреализм какой-то!

Или просто продолжение карнавала? Тем более наряды присутствующих тут людей под стать диковинному интерьеру: у мужчин полосатые гольфы до колен, кафтаны, кушаки, колпаки шутовские; у женщин пышные юбки до пола и чепчики на головах. Ей богу, самые настоящие чепчики с картин мастеров эпохи Ренессанса!

За большим столом обедали и пили из огромных кружек человек шесть мужиков, у очага стояли дородная женщина с красным лицом, и мальчишка в таком же, как и у взрослых, клоунском наряде. Женщина помешивала в котле деревянной ложкой с длинной ручкой.

И все на меня таращились с удивлением и насмешкой, словно на чокнутую, только что пальцами у висков не крутили.

– Извините, можно я присяду?

У меня кружилась голова и подташнивало. Не дожидаясь ответа, я осторожно опустилась на табурет с краю стола.

Женщина у очага сказала что-то не по-русски. На немецком, похоже. А из дальнего угла раздался звонкий девичий смех. Там стоял ещё один стол, поменьше, за ним расположилась весёлая компания – трое мужчин и две девахи. Причём дамочки сидели на коленях у кавалеров. Вот они-то и гоготали. И ведь надо мною потешались, даже пальцами показывали, идиотки ненормальные. Представительницы древнейшей профессии, чёрт бы их подрал, ночные бабочки, а по-русски – шлюхи.

Тут одна из девиц спорхнула с колен хахаля и направилась прямым ко мне:

– Grub schöner Knabe!

И эта на немецком! Они что, стоворились?! По-английски я бы хоть как-то смогла объясниться...

Девушка подобрала юбку и плюхнулась на табурет рядом со мной. Её круглое веснушчатое личико в обрамлении рыжих кудрей, выбивающихся из-под чепца, можно было бы назвать олицетворением детской чистоты и невинности, если б не глаза – бесстыжие наглые буркалы прожжённой потаскухи самого низкого пошиба. Спиртным от неё разлило, как из винной бочки. Да и макияж у дамочки – ужас просто! Чем, интересно, она мазюкалась?

Девушка выпростала из-под юбки ногу, обутую в... не знаю, даже, как назвать такую обувь, – грубый башмак, типа сабо, – и оперлась носком в моё колено.

Я совершенно растерялась. А нахалка протянула руку к моему лицу и потрепала за щеку.

– Послушай, ты! – вскричала я, отталкивая её ладонь. – Чего тебе надо! – и добавила по-немецки. – Донерветер! Тойфель золь зи холен!

Послав деваху к чёрту, я практически исчерпала запас немецких выражений, доставшийся мне от общения с нашим соседом, дядей Изей. Тот, будучи слегка «под мухой», ругается обычно на идише, а поддав основательно, переходит почему-то на немецкий.

Дружный хохот, от которого пламя в светильниках колыхнулось, и заплясали по стенам огромные тени, сотряс комнату. Деваха же состроила мне глазки, затем резко придвинулась, обняла за шею и... чмокнула в губы!

Меня буквально подбросило. Под смех и возгласы приятелей этой ненормальной я отскочила в сторону и встала в оборонительную позицию, сжав кулаки и закрывшись левым предплечьем – пусть только попробует кто-нибудь сунуться!

«Ночная бабочка» тоже расхохоталась, потом промурлыкала:

– Lieber, wohin gehst Du? Komm zu mir, schöner Junge!
(Милый, куда же ты? Иди ко мне, красавчик!)

Что она там бормочет, я, конечно, не понимала, но смысл был ясен и без перевода.

Дьявол! Они же принимают меня за мужчину! Думают: перед ними молоденький неопытный парнишка, шокированный бесцеремонностью путаны.

До сих пор я воспринимала происходящее отрешённо, как не до конца проснувшийся человек. И только сейчас до меня дошло: это не бред, не сон, не розыгрыш, это по-настоящему! Меня, пока я была без сознания, привезли в этот вертеп. Может, специально подмешали чего-то в шампанское, которое я пила в «Весёлом Роджере»...

Волна паники захлестнула сознание. «Бежать!» – пульсировала в мозгу отчаянная мысль.

Бежать? Но куда? Я ведь не знаю, где нахожусь. Что, если

меня увезли за границу?!

Со мною едва не случилась истерика. И тут включился внутренний голос, мой верный ангел-хранитель. Не иначе как с его подсказки я принялась шарить в карманах.

Лара, как и все мы, избалованные техническим прогрессом, шагу не может ступить без мобильного, а вот, поди ж ты – забыла его в кармане куртки, когда мы поменялись костюмами. Достав «трубку», я стала вызывать «ноль-два» и «службу спасения» – молчание. Абсолютное!

В отчаянии я нажимала на все имеющиеся в памяти аппарата номера – то же самое. Только теперь обратила внимание, что на мониторе светится «не обслуживается».

«Здесь не работает сотовая связь, – дошло до меня наконец. – Mamочka, куда же я попала!»

Я спрятала телефон в карман.

А сидящие за столом всё на меня тарацились, теперь уже с изумлением, да ещё каким! Будто впервые человека с мобилкой видят. Не пытаются отнять, и то хорошо...

Чё-о-о-рт! Рано я расслабилась, и не заметила, как подошёл один из приятелей рыжей девахи, верзила с глуповатым выражением лица. Я бы сказала: у этого молодца рожа стопроцентного дебила. Впрочем, мне было не до его личика. Парень грубо схватил меня за плечо, сделав больно.

– Was ist dort? Gib mir! (Что там у тебя? Дай сюда!)

Он потянулся своей лапищей к моему карману. Хам. Гопник неумытый.

Отдать Ларочкин смартфон за который она, поди, сумму, равную нескольким моим зарплатам, выложила?! Как же! Да по какому праву...

Я толчком сбросила его руку с плеча, сказав:

– Отвали, козел! – и добавила на немецком. – Шайзе!

Это, последнее, я зря, конечно. Сама не знаю, как вырвалось. «Козла» он бы мне, наверное, простил, по незнанию, а вот то, что я назвала его «дерьмом»...

Верзила прорычал нечленораздельно и, схватив за обшлага куртки, так тряхнул, что голова моя едва не оторвалась от шеи. Тут уж у меня сработал бойцовский рефлекс. Я, по всем правилам, резко, одним движением рук освободилась от захвата, одновременно саданув носком сапога под колено парню. Тот охнул и согнулся, схватившись за ушибленную ногу.

Со стороны, наверное, казалось, что его пырнули ножом в брюхо. Во всяком случае, дружки этого обалдуя повскакивали с мест и направились в мою сторону, явно с недобрыми намерениями. Оба держали в руках что-то колюще-режущее, вроде ножей для разделки мяса, только кривых.

Блеск стали лишь в кино выглядит красиво. В реальности же, когда видишь направленное на тебя, на твою незащищённую плоть, лезвие кинжала, делается не просто страшно – жутко до умопомрачения. Всё у меня внутри оборвалось, я буквально прочувствовала, как холодная сталь вонзается мне в живот, разрывая мышцы и сосуды, пронзает печень,

или селезёнку, достаёт до позвоночника... Ой, мамочка!

Странно, но паники не было. Я только отпрянула и прижалась спиной к ближайшей стене, приготовившись биться до последней возможности – ногами, руками, зубами, ногтями – как защищается загнанная в угол дикая кошка.

Шансов уцелеть, если эти трое решат расправиться со мной, не было вовсе. Меня могло спасти лишь чудо. И оно произошло!

Сидевшие за большим столом мужики, до сего момента остававшиеся пассивными наблюдателями, решили вмешаться. Трое из них поднялись, один при этом лихо перемахнул через стол, и закрыли меня от нападавших. Нежданные защитники были вооружены короткими и широкими, устрашающего вида саблями.

Шестеро вооружённых людей – трое на трое (ушибленный мною тоже достал из ножен кинжал).

Вот тут-то мне стало совсем страшно. Уже не безрассудный ужас владел мною, а осознанный, «разумный» страх, появляющийся, как мне думается, именно в тот момент, когда чётко осознаешь весь кошмар происходящего, и не можешь ничего с этим поделать.

Что-то сейчас начнётся!

2

Хвала Всевышнему, обошлось. Гопники (мысленно я так

именовала пытавшихся расправиться со мной) струсили, отступили без боя, поспешно, я бы сказала, позорно бежали вон. Собственно, «бежали», это я так, для красного словца – они, пятясь задом, ретировались через входную дверь наружу, оставив победителям трофей – двух «очаровашек».

Девушки, как и я, перепугались не на шутку. Даже повизгивали, увидев оружие. Но когда дружков их и след простыл, успокоились и перешли на сторону победителей, предлагая им за умеренную, по-видимому, плату долю любовных ласк. А вот женщина, что стояла у очага, сорвалась с места и бросилась вслед за удирающими.

Скоро она вернулась довольная, позвякивая в кулаке монетами – получила, должно быть, причитающееся за выпивку. Мальчишка же, как открыл от удивления рот, так и стоял, хлопая восхищёнными глазами.

А я на спасителей смотрела в полной прострации. Хотела поблагодарить, но не знала, как. И вообще – как вести себя здесь.

Где «здесь», непонятно. Куда же, чёрт побери, меня занесло-то? На съёмки исторического фильма, где актёры так вжились в роли, что продолжают играть, даже когда рядом нет оператора с камерой? А вдруг это малина воровская со своими порядками? Чур меня, чур... Или эти люди – «ролевики»? У меня папа раньше увлекался историческими реконструкциями. Пару раз и меня с собой брал на «рыцарские турниры». Было очень интересно. Тогда. А сейчас внутрен-

ний голос упорно твердил: это не игра!

Очень уж естественно они держались. Таким актёрам сам Станиславский кричал бы: «Верю!». Невооружённым глазом, как говорится, видно: для них случившееся – обыденность. И дерутся тут самыми настоящими кинжалами и саблями, а не хватаются за «травматику» и газовые баллончики.

Кто же они такие?

Прямо скажем, странные люди. Вон тот – щерит рот в беззубой улыбке, не иначе, под хоккеиста Овечкина «косит». И запашок от них от всех... В последний раз такое «амбре» я чувствовала, когда двум бомжам, сбитым машиной, первую помощь оказывала. Только эти не бомжи – по глазам видно: взгляд твёрдый, гордый даже. И сила в них – прямо так и веет силой. Тот, что постарше, на нашего инспектора по противопожарной безопасности, Владимира Семёновича, отставного майора, похож. Если б не «шкиперская» бородка и длинные, до плеч, волосы – один в один. Лет за шестьдесят, но лицо крепкое, как кирпич. Да и фигурой смахивает на короткую железобетонную сваю. А товарищи его – не намного старше меня, максимум, лет на семь.

И чему, спрашивается, радуются? Один без зубов, у другого шрам на весь подбородок – под скальпель пластического хирурга просится. Оба рослые, под метр девяносто, чернокудрые, с короткими бородами и поломанными носами. Ох, если бы не шрам... Так они, кажется, близнецы?! Два Овечкиных... Нет, если вот этому зубами обзавестись, то... Ха!

Где Ларка? Я ей вот того, со шрамом уступила бы...

– Чей будешь, друже? Чей человек: польский ли, литовский, аль русский?

– А то! Русские мы.

Слава тебе господи, хоть кто-то почти нормально заговорил.

– О! Я-то сразу признал, а Офоня, братец, вот, сумлева-ется – непонятно, мол, байшь, не по-нашему... Ну, гребни за наш стол коромыслом! С нами не пропадёшь!

«Овечкин со шрамом», довольный, видимо, маленькой победой над братцем, подмигнул ему, захохотал и добродушно хлопнул меня по плечу. Слон. Как дубиной огрел.

А тот, что постарше – мысленно я его Майором назвала – ослабил и прохрипел:

– Гут. Карош. По-германски говришь? Шпрехен зи дойч? Датски? Шведски?

Я только головой мотала: нет, мол. А полиглот Майор продолжал:

– Спик англиш?

– Йес, сэр, – ответила я, и добавила скромно: – бат вэри бэд.

На самом деле я неплохо знаю английский, даром, что ли, мама меня натаскивала. Она у меня учительница английского. Вот за произношение не ручаюсь – языковой практики почти что и не было. Но дело не в произношении. Внутренний голос нашёптывал: осторожность, и ещё раз осторож-

ность. Сначала подумай, потом скажи. Как говорится, каждое ваше слово может быть использовано против вас.

Майор смотрел в упор, бесцеремонно шаря глазами по моей фигуре сверху донизу. Остановился взглядом на руках, задумался, потёр подбородок, подёргал бородку. Чего он там увидал? Руки как руки. Ну, неухоженные, да. При моей профессии это неизбежно – йод, нашатырь, хлорка, да ещё постоянное мытье, тут не до маникюра...

Глаза строгого дядьки рентгеном просветили – такое осталось ощущение от «осмотра». Не знаю, какой уж он вывод сделал, относительно моей персоны, только не сказав больше ни слова, уселся обратно за стол, жестом пригласив присоединиться к компании. «Овечкины» шумно поддержали:

– Садись, земляк! Надо познакомиться да по чарке выпить.

– Ага, давай, друже, выпьем за знакомство! Я Ивашка, а то брат родной – Офоня, прозывается Сомом, ха-ха-ха! Зубов-то, яко рыбина, лишён, с отрочества ещё – кобыла копытом обласкала. Рябовы мы, близнецы. А се кормчий наш, Роде, – уважительно кивнул на «майора» Ивашка, – по-ихнему – капитан Карстен, мы же, команда, его Рысью кличем. А тебя как звать-величать?

– Джек Воробей, – ответила я бодро. Всегда можно на шутку списать, ежели что.

На «Джека» новые знакомые никак не отреагировали, а вот «воробей» их позабавил.

– Ха-ха! Воробей! Похож. А то мы бы тебя Ершом прозвали – уж больно ершист.

Выговор у братцев напоминал волжский, каким его в кино изображают (в действительности, так уже, наверное, никто не говорит). Напирали на «о», да ещё слова коверкали, что не сразу и поймёшь, о чём толкуют.

Из братьев, тот, что назвался Ивашкой, побойчее был, шумлив, балагурист. Афоня, хоть и улыбался широко, во весь беззубый рот, вёл себя куда сдержанней, говорил мало, не реготал, как брат, «на всю Ивановскую». Назвал «майора» капитаном. Выходит, они моряки? Ну и ну...

Ивашка представил мне и трёх других участников застолья, мужчин, не принявших участия в избавлении меня от гопников (я на них нисколько не обиделась). Двоих, угрюмых мужиков, назвал по кличкам: Бес и Лис, а толстенького круглоголового коротышку по имени – Карл, добавив: немчура, костоправ.

Не забыли про выпивку. Ивашка, обращаясь к женщине у очага, крикнул:

– Эй, фру! Нойн бир! Шнель!

Женщина кивнула, сказала что-то мальчишке и, вместе с ним, отправилась выполнять заказ.

Разговор продолжался, но я не слушала, поддакивала машинально, пытаюсь разобраться с сумбуром мыслей, крутившихся в моей почти ничего не соображающей голове.

Если всё, происходящее вокруг, не игра, то тогда... то-

гда...

Меня тряхнули за плечо.

– Аль оглох? Ты чьих, говорю, будешь? – пробасил мне в ухо Ивашка.

Ну да, конечно, это мы уже «проходили»: «Ты чей холлоп?». Наверное, в ответ мне следует сказать: «Рюриковичи мы».

А Ивашка продолжал допытываться:

– Попович, что ль? Али боярский сын? Руки у тя, паря, яко у девицы...

Вон оно что! Потому-то их капитан на мои руки пялился – не мужские руки, это уж точно.

– Фельдшер, – честно ответила я. Врачом пока только мечтаю стать. После колледжа отработала два года, потом три курса на медицинском факультете отучилась, а сейчас взяла академический, и – опять фельдшер.

Братья переглянулись.

– По-алемански? – уточнил Афоня. – А по-нашему – лекарь? Костоправ, аки наш Карла?

Я молча кивнула. Верно, ведь коллеги мы с их Карлом, вправлять кости – это всегда, пожалуйста.

И тут некая мысль, подспудно сидевшая в глубинах сознания, озарила меня, подобно яркой вспышке.

– Послушай, друг, – обратилась я к «Овечкину со шрамом», – а вы когда родились, в каком году?

– На кой ляд тебе?! – удивился Ивашка. – То поповское

занятие, лета считать. Бог нам дни даёт, и ладно...

Вмешался Афоня:

– Э-э, глупой ты, Ивашка, аки щука на нересте, – и мне: – А год-то был, друже, семь тыщ семидесятый.

Он что, издевается?! Или... или... Неужто он допетровское летоисчисление использует?!

Я повернулась к капитану. Тот важным делом был занят: набивал табаком огромную – так мне представлялось – трубку.

– Сэр, – обратилась я к морскому волк, – what was the year of the Nativity of Christ?

Уж он-то, будучи европейцем, должен «считать лета» от Рождества Христова.

– One thousand five hundred and eighty-two, – спокойно ответил капитан.

Внутренне я готова была услышать нечто подобное. И всё же. Трубным гласом небес прозвучал для меня ответ Роде.

«Тысяча пятьсот восемьдесят второй», – прошептала я обречённо.

Несмотря на всю абсурдность услышанного, я безоговорочно поверила этим людям, из которых кто-либо – чем чёрт не шутит, – быть может, является моим дальним предком.

III. Плата за ночлег

1

Слово «ошеломить», как известно, буквально означает «ударить булавой (или иным тяжёлым предметом) по шлему». Именно такое было ощущение: меня ошеломили – огрели молотом. Но не по шлему, а по ничем не защищённой (бандана не в счёт), головушке.

Так и сидела, пришибленная невероятным, но очевидным фактом: я в прошлом! Во времени, отстающем от нашего на четыреста с лишним лет!

Как такое могло произойти? И что мне теперь делать? Ответа на эти исконно русские вопросы я не находила. Лишь одно знала: какая-то неведомая сила перенесла меня за отметку (на временной шкале) «четыреста лет до моего рождения». Не слабо, да?

Впрочем, и страха, как такового, не было. Ни страха, ни отчаяния – ничего. Это потом, наверное, стану кричать, плакать, биться в истерике, рвать на себе волосы и взывать к небесам; а пока я сидела и тупо смотрела на кружку, поставленную передо мной женщиной с пышными формами, как видно, хозяйкой «заведения». Затем столь же тупо глотала крепкий, как вино, напиток, не чувствуя вкуса. А вокруг ца-

рило кабацкое веселье: кто-то затягивал песню, остальные подхватывали, истерично хохотали пьяные путаны, подвыпившие мужчины стучали по столу кружками, требовали у хозяйки ещё пива...

Меня опять тронули за плечо.

– Слышь, Рысь ты спрашивает, чего, мол, давеча ты в карман сховал?

– Yes, – поддакнул капитан, – what have you got in your pocket? (Да, что там у тебя в кармане?)

Его телефон заинтересовал, ха-ха! Я едва сдержалась, не дав нервному смеху вырваться наружу. Дура, едва жизнью не поплатилась, защищая абсолютно бесполезную здесь игрушку. Мобильник в шестнадцатом веке – умора! Отдать, что ли? Возьми, мол, на память сувенир, капитан... Нет, нельзя, чужая вещь, и потом... а вдруг заработает?

Ничего глупее, конечно, чем надеяться на появление тут сотовой связи и придумать невозможно, а всё же... Нет, отдавать нельзя. Нужно найти отмазку.

– Талисман, – ответила я капитану, а для Ивашки добавила, – оберег.

Реакция «добра молодца» оказалась неожиданной: набычился, сделал страшные глаза, проскрежетал:

– Ты крещён ли, али язычник поганый, нехристь?!

Как хорошо, что ношу серебряный крестик на цепочке – достала из-за ворота рубахи, продемонстрировала собесед-

нику. Его настроение враз переменялось: если крест, стало быть, христианин, а то, что языческий оберег с собой носит – ну, так это дело личное.

Желая сменить тему, я стала расспрашивать: где мы находимся, в каком городе, стране? Пояснила: память, мол, от выпивки совсем отшибло (валить всё на «зелёного змия», это по-нашему, по-расейски). От братьев Рябовых внятного ответа добиться не удалось. Ивашка, тот отмахнулся – на кой? Афоня, хоть и был явно эрудированнее братца, затруднился правильно назвать город, выдав что-то типа «рига-мотя». Может, он столицу Латвии имел в виду? Пришлось обратиться к капитану.

– Региомонтум, – ответил Роде.

Яснее не стало. Хотя где-то, вроде бы слышала это название.

Пирушка продолжалась. Однако, как я заметила, капитан и его команда не расслаблялись, держали ухо остро. Роде даже извлёк из-за пояса и положил перед собой странный предмет, в коем я не без труда распознала пистолет. Огромный такой пистолетище, вроде тех, из которых на сцене стрелялись Ленский с Онегиным. Непростая, должно быть, жизнь у этих людей, ох, не простая!

В самый разгар веселья с шумом отворились двери, и в помещение ввалилась новая компания гуляк. Как оказалось – свои, из команды Роде. Среди них выделялся один, которого я за габариты и седые толстые казацкие усы мысленно

нарекла Тарасом Бульбой. Только, в отличие от гоголевского героя, сей богатырь носил ещё расчёсанную надвое бороду и две седые косицы. Вооружён он был не саблей, как прочие, а огромным топором с лезвием в форме полумесяца.

Ужасной секирой Бульба поигрывал, перекидывая с руки на руку, словно игрушечную. Намётанным глазом я отметила: пальцы у него на обеих руках лишены верхних фаланг – верный признак ампутации, скорее всего, из-за обморожения. Вообще, увечья и шрамы, как видно, здесь в порядке вещей, ими, наверное, гордятся, как знаками отличия и свидетельствами доблести.

Обе компании шумно приветствовали друг друга, причём русская речь мешалась с немецкой. Гости расположились за столом – выпивка продолжилась. Хозяйка и её малец с ног сбились, таская жбаны с чертовски крепким пивом. На меня никто уже не обращал внимания, вот ночные бабочки, те пользовались успехом. Шум, гам, хохот – «добрая попойка», как говаривал гоголевский казак Чуб.

А мне не до веселья. Я окончательно осознала всю бедственность своего положения в чужом, незнакомом мире. Без денег, без крыши над головой, никого и ничего здесь не зная... Куда приткнуться? Где найти приют, хотя бы на первое время?

Гулянка прервалась самым неожиданным образом. Появились очередные гости. Хотя... гостями-то их с очень большой натяжкой можно назвать. Бравые ребята вошли в

помещение, как хозяева. Все вооружены весьма серьёзно: двое несли на плечах ружья с очень длинными стволами, трое держали в руках пики, снабжённые лезвиями топориков. Я сразу признала в оружии алебарду – видела такие у «ролевиков». Все пятеро в доспехах, похожих на рыцарские: в кирасах и шлемах. Лишь один человек – несомненно, командир небольшого отряда – носил камзол и широкополую шляпу с алым плюмажем, а из оружия – шпагу. Ни дать ни взять картина Рембрандта «Ночной дозор».

В помещении тотчас воцарилось молчание, даже потаскушки прекратили хохотать. Слышно стало, как потрескивают дрова в очаге и кипит в котле варево. Гуляки обратили взоры на грозных вояк.

Человек со шпагой пролаял что-то на немецком. Я разобрала лишь «капитан Карстен» и «бургомистр». Похоже, от имени высокого городского начальства явилась сюда стража. А цель их визита, как я поняла – доставить Роде к его милости бургомистру. И, вне всякого сомнения, не для дружеской беседы. Мне подумалось, что появление стражников как-то связано с выдворением из питейного заведения моих обидчиков «гопников». Ведь те вполне могли «накапать» начальству, дескать «чужаки наших быют».

Роде не торопился исполнять приказ бургомистра, а его посланца сам послал ко всем чертям, подкрепив ругательство угрозой: направил на стражника дуло пистолета.

Я устала бояться, воспринимала происходящее, как не

имеющее ко мне никакого отношения. Мужчины готовы устроить перестрелку или перерезать-переколоть друг друга – ну и пусть. Во все века мужики только тем и занимаются. Правда, делают они это, чаще всего, из-за нас, женщин. Иногда сами того не зная.

Опять обошлось без стрельбы и поножовщины. Хоть в этом мне везло. Стражники, видя, что численный перевес на стороне «наших», отступили. На прощание их командир бросил Роде короткую фразу, явно угрожающего характера, что-нибудь типа «ты ещё об этом пожалеешь».

Положение, конечно, серьёзное. Одно дело с горожанами сцепиться, другое – интересы властей предержавших затронуть. Мои новые друзья, думаю, понимали это не хуже меня. Потому-то, не утратив, по крайней мере, внешне, боевого задора, поспешили удалиться – расплатились с хозяйкой за еду и выпивку и, один за другим, потянулись к выходу.

Ивашка, как и при знакомстве, хлопнул меня по плечу.

– Бывай, друже! Даст бог, свидимся ещё. Хотели было тя в команду пригласить, да, видим, не сдюжишь. Не барское дело узлы вязать да паруса ставить. А лекарь у нас свой... Храни тя Христос.

Афоня с капитаном только молча махнули мне, прощаясь.

2

Я, как была, так и осталась неприкаянной. Единственные

дружелюбно настроенные люди меня покинули. Надо было к ним попроситься, хоть юнгой... Теперь поздно, «поезд ушёл».

Что же мне, горемычной, делать? На дворе, как я успела заметить, ночь. Да и днём я бы вряд ли отважилась выйти. И тут сидеть не безопасно – ну как стража опять заявится, а у меня ни денег, ни документов. Хотя какие, к чёрту, документы здесь, в шестнадцатом веке! Вот «гопники» могут вернуться – это пострашнее будет.

Пока я размышляла над превратностями судьбы, хозяйка смахнула тряпицей со стола крошки и объедки прямо себе в подол, вынесла на двор. Вернувшись, уселась напротив, стала что-то мне втолковывать. Видя, что я ни бельмеса не понимаю, сложила ладони лодочкой и прислонила к ним голову – спать, мол, пора. Я кивнула. Хозяйка улыбнулась, демонстрируя крайне запущенные, гнилые зубы, и сделала характерный жест, как бы подбрасывая монеты. И без слов ясно – плати за ночлег.

Ой, мамочки, чем же я заплачу! В карманах – шаром покати. (Ларискино имущество не в счёт). Объяснить ей – дескать, отработаю? Полю могу помыть, картошку почистить... Хозяйка, видя мои финансовые затруднения, стала знаками предлагать продать что-либо. Её заинтересовало моё кольцо на левой руке – турецкая цацка, имитация золота плюс поддельный изумруд. Да ради бога!

Я сняла колечко, протянула женщине. Та, прежде чем

взять в руки, тщательно вытерла их о передник.

Глаза у фрау Эльзы (хозяйка представилась мне) заблистали не хуже «золотого» кольца. Я, как могла, постаралась объяснить женщине, что в руках у неё не благородный металл. Честно говоря, мною двигала не столько совесть, сколько опасение, что могут возникнуть неприятности в дальнейшем, когда раскроется подлинная природа этого псевдозолота. Не знаю, правильно ли поняла меня хозяйка, только от покупки не отказалась, уж очень ей понравилась красивая вещица. (Психология дикаря, отдающего за стеклянные бусы ценные меха).

Фрау выдала мне пять серебряных монет с портретами каких-то монархов и целую пригоршню медных, с листочками и геральдическими животными, затем проводила в комнату на втором этаже дома.

Ах, какая чудесная комната! Пусть размером с ванную в наших девятиэтажках, и оконцем с томик «Советской энциклопедии», зато тут имелась деревянная кровать с самой настоящей периной и лоскутным одеялом, на полу – плетёный коврик, в углу, на деревянной подставке, медный тазик и кувшин с водой, а под кроватью – умереть, не встать! – ночной горшок.

На двери засов – я сразу же его задвинула. И тут обнаружила: я здесь не одна!

Чёрный котяра (он явно прошмыгнул следом за мной) вылез из-под кровати и стал тереться о ноги, мяукая так жа-

лобно знакомо, что я тут же опознала в нём появившегося на пути у нас с Ларисой в «Весёлом Роджере». Он, точно он! Бедняга, угодил в передрагу вместе со мною, и жмётся теперь инстинктивно к «своей», к подруге по несчастью.

Что же мне с тобой делать, горе моё?

Я, не раздеваясь (сняла лишь куртку с банданой и сбросила сапоги), улеглась в постель, взяв к себе кота.

Под его мурчание и заснула.

IV. Сон и явь

1

Я заблудилась в лабиринте. Выход был где-то рядом, я даже увидела дневной свет в боковом ответвлении, но когда бросилась туда, наткнулась на глухую стену – перепутала. Пришлось возвращаться назад и пробовать другие варианты. Тщетно. Я металась, подобно дикому зверю, оказавшемуся в западне, кричала, звала на помощь, пока не выбилась из сил. И тогда услышала: «Ты останешься здесь до конца дней своих!»

И сразу проснулась. Но глаза открывать не торопилась: молилась, чтобы всё случившееся накануне оказалось ночным кошмаром, как и этот лабиринт. Молилась я впервые, и оттого неумело, просто повторяла: «Господи, сделай так, чтобы я оказалась дома». Молилась, а сама знала: открою глаза и увижу низкий потолок, голые обшарпанные стены, тусклое оконце размером с томик энциклопедии... Так и случилось.

Я было зарыдала, но тут меня начало тошнить и вырвало в ночную посудину. Отравилась, не иначе. Что за гадость я вчера ела? И пила. Да здесь, поди, и воду не кипятят, зачерпнут из ручья – и всё!

Очень хотелось зареветь, однако я поднялась и, как смогла, привела себя в порядок.

Только теперь я обрела способность рассуждать. Думать свою горестную думу. Положение было отчаянным, и это мягко сказано. Здесь, в чужом суровом и беспощадном мире, мне ни за что не выжить. Единственная надежда на спасение – найти способ вернуться. Ведь каким-то путём я попала сюда, так? Значит, можно пройти им в обратную сторону? Только как отыскать этот путь, вот вопрос.

Кот мой сидел у двери, мяукал – просился в туалет. Молодец, приучен к порядку. Выпустила его и опять затворила дверь.

За оконцем, затянутым желтовато-белой промасленной ветошью, явственно светлело. Начинался новый день, и значит, хочешь, не хочешь, надо позаботиться о хлебе, так сказать, насущном. Как минимум.

О том, чтобы выйти на улицу, я и думать боялась – поджилки тряслись при мысли о том, какие опасности могут там меня подстергать. Конечно, торчат в таверне всё время – тоже не выход. Рано или поздно, мне придётся покинуть это ненадёжное убежище. Но... лучше позже, когда пообвыкнусь, осмыслю всё, намечу план действий... А пока нужно узнать у хозяйки, как тут насчёт завтрака.

Я осторожно открыла дверь, выглянула в узкий коридорчик – никого. Прошла к лестнице, ведущей на первый этаж, позвала:

– Фрау Эльза!

В ответ снизу донёсся... отборный русский мат.

Не иначе – мои вчерашние собутыльники заявили. С утра пораньше... Хотя нет, не с руки им после случившегося накануне соваться сюда.

Я спустилась по лестнице и увидела старуху-оборванку, в дупель пьяную, растянувшуюся на полу и силящуюся подняться. Она-то и оказалась соотечественницей, выражающей свои чувства посредством русской ненормативной лексики.

За столом сидели, орудуя ложками, несколько мужчин, одетых без щегольства, но опрятно. Сынишка хозяйки находился тут же – подбрасывал дрова в очаг.

Фрау Эльзы не было видно. На нищенку никто не обращал ни малейшего внимания. Я тоже собиралась её проигнорировать: на что мне эта пьянь, пусть и соотечественница! Но что-то ёкнуло внутри. Какая, в общем-то, разница, русская она или немка, скажем – передо мной старый немощный человек.

Я подошла к женщине и протянула руку:

– Давай, помогу! – Не удержалась, добавила: – Кулёма!

Старуха подняла голову и сфокусировала на мне взгляд выцветших водянистых глаз.

– Ты кто?

– Джек Воробей.

Мне, по большому счету, без разницы, как назваться. С такой же лёгкостью могла объявить себя Шреком или Чело-

веком-пауком. Здесь, в шестнадцатом веке, эти персонажи присутствовали лишь в моем сознании, а для всех прочих их упоминание не несло дополнительной смысловой нагрузки – просто чудные имена или клички, каких в любом столетии предостаточно. Однако, на *мою* старуху упоминание голливудского героя, похоже, произвело впечатление. Она даже протрезвела, как будто. Во всяком случае, взгляд нищенки сделался осмысленным, а на лице – изумление, смешанное с... радостью? Хотя... какие у неё могли быть причины для радости при встрече с пиратом Карибского моря? К тому же вымышленным. Да и в этом качестве Джек Воробей ещё только *должен* появиться через четыреста с лишним лет.

– Как ты сказал? Воробей? – прошамкала беззубым ртом старуха, состроив при этом безобразную гримасу, которая могла принадлежать какому-нибудь душегубу-маньяку. – А я знаю тебя, Джек Воробей! Ха-ха-ха!

Её идиотический смех гулко прозвучал в полупустом помещении. Из всех присутствующих только малец обернулся в нашу сторону и крикнул что-то озорное, вызвав смешки завтракающих мужчин. В ответ нищенка запустила по-русски выражение, от которого покраснел бы и портовый грузчик. Я же готова была сквозь землю провалиться от стыда перед иностранцами. Впрочем, они-то не отреагировали – откуда им, сердечным, знать смысл не подлежащих переводу буйных красот русской материны.

Я хотела повернуться и уйти, оставив языкастую старуху

на полу – пусть сама, как хочет, так и встаёт, но та, изобразив на лице смирение, проворковала:

– Касатик, пособи старой женщине, сделай милость. – Я помогла ей подняться. – Сокол ты мой ясный, храни ты Христос и Пресвятая Богородица.

Лисила старуха, медовые речи вместо пьяной ругани пустила в ход. И голос-то у бабки сделался певучим. А что самое поразительное: мне он показался хорошо знакомым, этот ласковый говорок.

Да нет же, показалось – мало ли голосов похожих на свете встречается!

Старая карга выглядела настоящей ведьмой. Вернее, нет, ведьмы, те молодые, с распущенными волосами, а эта – Баба-Яга из всем нам с детства памятного фильма «Морозко»: маленькие злые глазки, рот, в котором сохранилась лишь пара кривых зубов, один сверху, другой снизу, на башке безобразный серый платок с торчащими из-под него седыми лохмами. Несколько диссонировал с обликом сказочного персонажа сильнейший запах алкоголя, коим насквозь, должно быть, пропиталась «Яга».

– Я тебе пригожусь, мил человек, – продолжала разливать елей бабка. – Сам-то откуда будешь, такой молоденький да ладненький?

– Из России, – ответила я, не подумав. Отечество-то наше в ту пору именовалось иначе.

– Россия... – задумчиво произнесла старуха. – Понимаю,

с русской стороны... А здесь-то какими судьбами? Беглый, что ль?

Я замешкалась с ответом. Старуха поняла по-своему.

– Не желаешь открыться? И то верно – длинный-то язык с головой вместе отымут. Царь-то Иоанн Василич строг, языкастые при ём долго не живут. Он, сказывают, опричнину ввёл супротив бояр. А ты, красавец, поди, боярский сынок-то?.. Ладно, коли не хочешь, не отвечай.

Вот так. Старуха всё за меня сказала. Боярский, мол, отпрыск, бежал от царского гнева за границу. Почему бы нет? Пусть считает меня политэмигрантом.

Любопытная старуха задала очередной вопрос:

– Давно ли у нас?

– Второй день, – честно ответила я.

– И знакомств нету, поди? И без языка?

Я кивнула.

– Ой, лихо! – воскликнула бабка, жалеючи меня, приложила ладонь к щеке и покачала головой. – И что ж теперича тебе, горемыке, делать?

Если б я знала, что мне делать! Вот, карга старая, пригожусь, мол, обещала! Языком-то все горазды. А жалость её мне без надобности – «нас не надо жалеть, ведь и мы никого б не жалели...»

– Я цирюльником могу, – сказала я неуверенно. Вроде бы здесь обязанности младшего медперсонала возложены на мастеров, которых в наше время называют парикмахерами. –

Кровь отворять умею. Вывих могу вправить, роды принять при случае... Только у меня нет... – Я подумала, как сказать старухе, чего у меня нет, и нашла подходящее слово. – Нет нужной бумаги.

– Не беда. Если уж индульгенцию от папы купить можно... Были б деньги.

Бабка вопросительно глянула на меня.

– Нет у меня денег, – ответила я на её немой вопрос. – То есть, мало. Совсем мало.

Я не знала толком, насколько велик мой капитал – деньги, что дала мне фрау Эльза. На всякий случай решила поприбедняться.

Старуха хмыкнула неопределённо, но расспрашивать больше не стала.

– Ты голодный, поди. Давай перекусим да и пойдём, отве-ду тебя к своим.

К каким таким своим?! Она что, собралась меня на какую-нибудь «малину» затащить, или как тут называется место, где бродяги собираются?

Словно в ответ на мои мысли, старуха пояснила:

– Комедианты мы, лицедеи. Я при бродячем цирке состою.

Во как! Артистка, значит. И не заливаает, похоже. Наверное, артисты здешние – голимая пьянь да нищета. Что же она в цирке-то делает, уж, наверняка, не под куполом на трапеции крутится! Может, на кассе сидит, билетами торгует? Хо-

тя вряд ли – здесь, поди, с шапкой по кругу медяки от благодарных зрителей собирают.

Старуха ухватила меня за рукав и подвела к столу: садись. Тут, как раз, хозяйка появилась.

Заказывала, конечно, бабка. По-немецки. Я лишь слово «бир» уловила. У старой карги – продолжение банкета, а платить, видимо, мне придётся.

Фрау Эльза приняла заказ с приветливой улыбкой на устах. Ей, разумеется, только в радость, что гости утро с пива начинают, значит, есть надежда, что и продолжение последует. Но мне-то с утра напиваться, какой резон?

– Найн! – воскликнула я. – Мне не надо пива! Найн бир! Битте, млеко, брод...

Хозяйка кивнула понимающе. А бабка захихикала противным дребезжащим смешком, но комментировать мой выбор не стала. К пиву ей подали вяленую рыбину – классический набор, я же довольствовалась кружкой молока и ломтём свежего хлеба. Тут, вместе с очередным посетителем с улицы в корчму заскочил мой котик, и – ко мне на колени.

– Кыш! – заорала на кота старуха. – Сатанинское отродье. – Не надо его гнать. Он мой! Блэк его зовут.

Я уже и имя коту придумала. Никому его в обиду не дам! Единственная родная душа. Попросила у хозяйки жестами посудину для кота, отлила ему молока и хлеба покрошила.

– Твоя животина? – усмехнувшись, процедила карга. – Тады пусть.

За завтраком мы продолжили церемонию знакомства. Старуха звалась Варварой, а по-европейски Барбарой. «Меня наши так кличут, и ты Барбарой зови». Кроме имени, старуха не стала ничего открывать: ни откуда родом, ни как оказалась здесь, «на неметчине».

– А я Джек. По-русски Яков, Яша.

Это я Джека Восьмерика вспомнила, американца, героя когда-то читанной книги, он ведь, на самом деле, звался Яшей.

Старуха допила пиво, недоеденный кусок рыбы сунула в котомку и... расплатилась с хозяйкой. Своими деньгами! Только за себя, разумеется, но и этим удивила меня безмерно. Я-то была уверена: все расходы на меня лягут.

Я тоже заплатила – за ночлег и еду.

– Пойдём, что ль? – спросила старуха. – Готов, аль нет?

Нищему собраться – только подпоясаться. Я кивнула. Взяла на руки Блэка.

Старуха усмехнулась.

– На руках понесёшь? Добро такое... Ха!

Мы вышли на улицу.

2

В действительности все оказалось не столь ужасным, как мне представлялось.

Мощёная серым камнем улица, по обеим сторонам –

оштукатуренные и побеленные с выпирающими наружу коричневыми деревянными балками двух- и трёхэтажные строения под медно-красными черепичными крышами – такие я и раньше видела в исторических кварталах Таллина и Риги. Ни души: сонное царство, только далеко впереди громыхала телега, гружёная дровами.

Порывами налетал ветер, норовил сорвать с меня треуголку, и мне приходилось её придерживать. Свежий ветер, с моря: оно где-то рядом, я чувствовала. Блёка я держала одной рукой. Кот возился, пытался сунуть голову под куртку – пугался непривычной обстановки.

А мне почему-то совсем не страшно, я с любопытством смотрела по сторонам. Где же мы находились? И какое, интересно, здесь время года? Зима? Нет, теплынь стояла – скорее осень, или даже конец лета. Встрется хоть одно дерево – можно по листьям определить, так нет, кругом голый камень. Впрочем, чего я гадаю...

– Барбара, а какой теперь месяц? – поинтересовалась я, глядя старухе в спину.

– Август, милоч, а по-нашему серпень, – ответила карга, не обернувшись. Она, похоже, совсем не удивилась моему вопросу.

Барбара семенила шаркающей старческой походкой. Су-тулилась и в такт шагам руками двигала – раз-два. Умора! Интересно, как мы со стороны смотримся? Баба-Яга и карикатурный пират – не иначе, оба из дурдома сбежали. Так, на-

верное, решили бы в нашем времени, а здесь...

Здесь мы также не были обделены вниманием. Навстречу попадались горожане, преимущественно женщины разных возрастов: все, как одна, в чепчиках и длинных до земли платьях унылых серых и коричневых тонов. И все не с пустыми руками: с корзинками, котомками, металлическими посудинами какими-то, вроде чайников с длинными носиками. Простолюдинки, наверное, на рынок отправились. А знатным дамам рано на свет божий – те, должно быть, дома, слугами командуют.

Одеты женщины опрятно, хоть и бедно, а вот состояние улицы оставляет желать лучшего: повсюду валяются отходы, и воняет тухлятиной. Где же, черт побери, пресловутая немецкая аккуратность?!

Встречаясь со мной взглядом, горожанки, особенно молодые, скромно опускали глаза, но всегда – я «чувствовала спиной» – оборачивались вслед.

Пусть, решила я. Но всё-таки надо бы сменить костюмчик, уж больно приметный. Не стоит лишний раз привлекать к себе внимание.

Тут ещё собака увязалась, мелкая и злая: лаяла на Блэка, а заодно и меня норовила ухватить за сапог. Барбара, видя такое дело, наклонилась за увесистым булыжником. Шавка моментально ретировалась. С собаками здесь, похоже, не церемонились. Старуха швырнула камнем вдогонку, и приправила бросок крепким выражением. По-русски.

Улица привела нас к реке, напрямик к деревянному мосту. И речка и мост вызвали у меня смутные воспоминания – где-то я их видела...

Сзади загрохотало, я оглянулась, еле успела отпрянуть в сторону и старуху оттащить – из-за поворота выехала карета, запряжённая парой резвых коней, и с ходу промчалась по узкому мосту. Кучер на дрожках пролаял что-то в нашу с Барбарой сторону. Старуха опять матерно выругалась и угрозила кулаком.

– У-у, злыдни! Того гляди, потопчут, как есть потопчут лошадьми. Хорошо, не на мосту были – пришлось бы в Преголю сигать...

– Что?! – вскричала я. – Это Преголя?

Ну, вот, всё и встало на свои места: я в родном городе! Не думаю, что есть ещё где-то река Преголя. А Региомонтум – я вспомнила, – так наш город именовался в шестнадцатом веке. Уже потом его стали Кенигсбергом называть.

Но легче от этого открытия мне не стало. Родной Калининград дальше, чем если б на Марсе находился. Только «расстояние» не в километрах и не в милях измеряется – в веках!

Всё вокруг чужое, незнакомое. Оно и понятно: за четыреста-то лет строили и разрушали, опять строили и перестраивали не один раз. Кажется, наш Кафедральный собор – единственное, что сохранилось с этого времени.

Я бросила взгляд на реку: чуть поодаль, прямо над водой,

возвышались башенки. Так и есть – собор, где ему и надлежит быть, на острове Канта. Хотя сейчас островок иначе называется, потому как знаменитый философ рождается лет через двести.

Сразу за мостом шла крепостная стена, напоминающая Великую Китайскую, только в миниатюре – сооружение высотой с трёхэтажный дом. Стена тянулась в обе стороны, закрывая обзор, лишь через распахнутые массивные ворота, окованные железом, просматривалось поле или луг с яркой радующей глаз зеленью.

Похоже, выход из города. И здесь стража должна находиться – что-нибудь типа таможенного поста. Не потребуют ли с нас пропуск, охранную грамоту, или что у них вместо загранпаспорта?

Обошлось. Охраны я не заметила. Мы беспрепятственно прошли ворота и оказались в городском предместье. Тут дома стояли только с одной стороны дороги, с другой – пашня и луга. Сам просёлок представлял собой две параллельные колеи по колено глубиной, выбитые в земле. Колёсами повозок, судя по всему.

А я и не рассчитывала асфальт здесь увидеть.

Барбара не пошла по дороге, а свернула на боковую тропинку, и привела меня прямо к... цыганскому табору – с фургонами, костром, и с песнями под гитару.

Впрочем, относительно гитары я ошиблась: музыкальный инструмент, под который пел похожий на цыгана мужик, был

скорее мандолиной. Или лютней – кто их разберёт. Пел мужчина красиво, и не по-немецки, а на итальянском. Жгучий брюнет, с кудлатой головой и такой же бородой, только с проседью, с серьгой в ухе – колоритная личность, вылитый Будалай. Мужчина сидел на поставленном стоймя полене возле фургона.

Повозки с крышами из парусины располагались полукругом, ограждая с трёх сторон утоптанную площадку. Между ними натянуты верёвки с развешанным шмотьём, У дальнего от нас фургона горел костёр, там явно обед готовили: на треноге висел котелок, из которого густо валил пар. Людей, кроме певца-«цыгана», не видно, только непонятные животные, лошади – не лошади, или ослы такие здоровенные, стояли привязанными к кольям.

– Пришли, – объявила Барбара.

– А где же цирк? – удивилась я. Думала, будет шатёр – что-нибудь вроде шапито, но никак не табор.

Старуха рассмеялась противным дребезжащим смешком.

– А сё и есть наш цирк. Сейчас не время ещё. Как солнце на закат пойдёт, народ соберётся, тогда и зачнётся действо.

«Цыган» продолжал петь, поглядывая на нас с ухмылкой. Барбара стояла, картинно подбоченись, я робко жалась позади.

– Он кто? – негромко спросила я старуху.

– Этот-то? Зуко – хозяин. Ты не робей, милоч, ён не шибко важный... А вона и жонка его, Мадлен.

Из фургона выглянула миловидная женщина средних лет, сказала что-то мужу, и скрылась.

Зуко допел, отложил инструмент, поднялся, и... оказался из тех, о которых говорят: «когда сидит, он выше, чем когда стоит». Массивное туловище мужчины покоилось на коротких кривых ногах. Длинный камзол из красного сукна усиливал комический эффект. Это, скорее всего, клоун, решила я.

А Барбара ухватила меня за рукав и подвела к «хозяину».

Они перебросились несколькими фразами на немецком. Речь, как я поняла, шла о моей скромной персоне. Зуко разглядывал меня, но заговорить не пытался. Придётся, видно, срочно учить немецкий, подумала я с тоской. Не то, чтобы этот язык не нравился, просто на родном изъясняться сподручнее.

– Зуко пытается, чего, мол, умеешь-то: петь, плясать? – перевела Барбара.

Я замотала головой. Какая из меня артистка!

Но «хозяин» продолжал гнуть своё.

– Давай, мил дружок, спой. А уж Зуко решит, можёшь, али нет, – опять перевела старуха.

Зуко улыбнулся ободряюще и указал на свою «балалайку».

– Нет, нет! Я не умею... Ладно, коли он так хочет, попробую спеть. Хоть и не Пугачёва...

Тут я осеклась и кинула взгляд на Барбару. Старуха, по-

хоже, не заметила моего «прокола». Аккуратнее надо.

Что же им исполнить?

Вообще-то петь я люблю. Не на публике, конечно – дома, или в кругу друзей. Голос у меня низкий, совсем не женский. Это когда разговариваю. Потому и сошла за мужчину. А если пытаюсь петь, отчего-то ближе к тенору звучит, даже к контратенору, который ещё «мужским сопрано» называют.

Чистой воды самодеятельность, само собою... А, ладно, черт с вами, слушайте: «... я расскажу вам о любви, любви шута и королевы».

«Шута и королеву» мы часто пели на два голоса с Алексом. Он мой бойфренд, теперь уже бывший... но это неважно. Тогда у нас неплохо получалось под гитару (играл Алекс). Теперь же я пела одна и акапельно.

Незатейливая история о том, как шут поплатился головой за любовь, своеобразная стилизация под баллады средневековых менестрелей. Что мне и требовалось. Одна беда – оценить некому. Зуко не понимал по-русски, да и Барбаре язык, на котором мы говорим в двадцать первом столетии, непривычен. Старуха ничего не сказала, хмыкнула неопределённо – и всё. «Хозяин» снисходительно похлопал меня по плечу и бросил пару фраз. Барбара перевела:

– Зуко позволяет тебе остаться, обучим тебя лицедейству. А пока за харчи станешь нам пособлять...

Моего согласия старая карга не спросила.

Вот так стала я учеником, подмастерьем, или, правильнее,

мальчиком на побегушках.

V. Самое важное

1

Жила на свете маленькая девочка. Любила сказки. Сначала слушать – папа читал ей на ночь (мама в это время возилась на кухне с посудой). Потом научилась читать сама. Читала много, захлёб: любимые сказки, затем фантастику, приключенческие и исторические романы: Булычева и Беляева, Стивенсона и Сабатини, Дюма и Дрюона. Мечтала о волшебных королевствах и замках, о каретах и чистокровных скакунах, о придворных балах и рыцарских турнирах, о морях и тропических островах. Думала: вот бы очутиться там, в далёком прошлом, где обитают короли, мушкетёры и пираты с разбойниками: уж я бы там, уж я бы тогда...

Святая наивность! Ведь на самом деле там – суровый и беспощадный мир, где опасности подстерегают чужака на каждом шагу. И вовсе не обязательно угроза будет исходить от неких злодеев. Смерть может таиться в куске плохо прожаренного мяса, в коже невымытого, как следует, яблока, даже в глотке обычной воды. С изнеженным, приученным к антибиотикам организмом пришельца из двадцать первого века здешние микробы и вирусы способны расправиться столь же легко и быстро, как с уэллсовскими марсианами.

Где-то я читала о проводившемся опросе. Спрашивали: «Какую вещь вы считаете самой необходимой для современного человека?». В ответах, как и следовало ожидать, в основном фигурировали технические штучки-дрючки. Называли сотовый телефон, компьютер, даже микроволновку. Глупцы! Уж я-то теперь точно знаю, без чего они все не смогли бы обойтись – без зубной щётки!

Не может человек из третьего тысячелетия нормально существовать там, где нет не только интернета и сотовой связи, но даже банального сортира. Это я прочувствовала на собственной шкуре.

Первые дни пребывания на чужбине (чтобы окончательно не рехнуться, я внушала себе, что нахожусь не в прошлом, а в другой стране) оказались сущим кошмаром. У меня даже сменного белья не было!

Что я имела? Маскарадный костюм, абсолютно непригодный для повседневной носки, а под ним маечку, колготки и трусики – всё по одному экземпляру. В карманах куртки я обнаружила доставшиеся от Ларисы три вещи: упаковку таблеток от головной боли, мобильник, и коробку с призом, который подруга выиграла на конкурсе песен-караоке.

Любопытной оказалась коробочка, там находилось походное зарядное устройство для сотовых телефонов. Сначала я «не врубилась», и только просмотрев инструкцию, поняла, как эта штука работает. Оказалось – ручная динамка, вроде фонарика-«жучка». Подключаешь её к мобиле (име-

лись несколько разъяёмов, подходящих, как указывалось в инструкции «для всех популярных марок телефонов») и жмёшь на ручку; минут пять «пожужжишь» – телефон «оживает».

Вот это да! Теперь я могла подзаряжать мобильник и звонить... Увы, увы! Телефон, даже в рабочем состоянии, остался просто игрушкой. Самым ценным приобретением я посчитала лекарство – спасибо тебе, Ларочка!

Как жаль, что подруга не обеспечила меня зубной пастой, мылом, шампунем, кремом для рук, лосьоном... Бог ты мой – перечислять можно долго. И самое ужасное – ничего этого здесь днём с огнём не сыщешь.

С верхней одеждой вопрос решился: за семь монет Барбара снабдила не новыми, но крепкими камзолом и штанами до колен, а также гольфами и башмаками. Она хотела всучить ещё полосатый колпак, но я решительно отказалась: пусть сами носят этот шутовской атрибут, а мне и бандана сойдёт (местной моде такой головной убор не противоречил). Рубаху тоже свою оставила: хоть и не практичная, да ладно, на первое время сгодится.

Разглядывая «обновы», подумала: может, стоит открыться, сказать, что я женщина? Уж слишком грубыми смотрелись мужские шмотки, непонятно из чего сшитые – не иначе, как из дерюги; а башмаки и вовсе деревянные. Но инстинкт самосохранения подсказывал: «Нельзя!». Во всяком случае, не сейчас.

То, что придётся носить «вериги» – полбеда, по-настоящему печалило отсутствие нижнего белья, о котором тут, похоже, и не слышали. Местные умельцы могли предложить разве что пресловутый «пояс верности». Я попыталась по-лунамёками выведать у Барбары, можно ли достать то, «что надевают под штаны». Не объяснять же, мол, позарез нужны женские трусики. Старуха скорбно качала головой, наверное, видя во мне дурачка – не всё, видать, с головой в порядке у парнишки, лепечет непонятно чего. Но потом сообразила, что мне требуется, и поразилась:

– Вона как! Барчук-то наш, никак царских кровей – исподнее требует! – и расхохоталась – Caleçons французский ему подавай. Ровно мамзель какая.

Почему «мамзель»? Ах, да! Вот незадача: у них кальсоны женщины носят, причём исключительно аристократки – я же читала. Мне-то как раз и надо такие, да разве Барбаре растолкуешь. И денег у меня... Что называется: дыра в кармане и вошь на аркане.

Барбара помогла решить деликатную проблему, снабдив – за плату, разумеется – отрезом бязи. «Добрая бязь, хивинская», – сказала бабка, передавая кусок изжелта-белой ткани, похожей на мешковину. В моем положении привередничать не приходилось; я позаимствовала у Барбары иголку с ниткой и ножницы, чтобы соорудить какое-нибудь подобие трусиков.

Сложнее обстояло дело с жильём. «Артисты» ютились в

фургонах, и свободных мест не было. «Жилищную проблему» мне помогла решить та же Барбара. Она тут, оказывается, на привилегированном положении – имела «отдельную квартиру». А я-то её за нищенку приняла!

Старуха подрабатывала гаданием и всякого рода магией. снятием порчи и сглаза, приворотами и тому подобной чепуховиной, т. е. тем, чем успешно промышляют «маги» и «экстрасенсы» в двадцать первом веке. Ничего в «окультурном мире» не изменилось за четыреста лет! Бабка звалась «прорицательницей Лари» и принимала клиентов в некоем подобии индейского вигвама, но не из бизоньих шкур, а из парусины. Там же и жила. Мне соорудили такой же – пришлось опять раскошелиться, – и я поселилась со всем моим «имуществом», включая Блэка. Зуко выдал во временное пользование тюфяк, набитый сеном – он стал постелью, а Барбара презентовала заношенный зипун – вместо одеяла.

Мой и без того тощий карман после этих трат практически опустел. А последние гроши пришлось выложить за малюсенький кусок мыла. «И где только успел ты, милок, к баловству приучиться, – сказала «благодетельница», продавая обмылок. – Так ить никаких богатств не хватит. Добрые люди, вона, золой моются да глиной, а ему, вишь ты, мыло подавай!». Сама карга не причисляла себя к «добрым людям», тратилась на мыло – роскошь, по здешним меркам. Кстати, этот продукт качеством был не хуже того, к которому я привыкла в прошлой жизни.

«Человек – скотина выносливая, всё выдержит». Так говорил Владлен Сергеевич, наш Главный. Уж он-то за долгие годы работы в «скорой» разное повидал. Я, хоть и трудилась там всего ничего, успела насмотреться, и даже стала привыкать. Теперь полученная закалка помогала выжить – не наложить на себя руки, не сойти с ума, не спиться, в общем, приспособиться.

Цирк наш – я уже считала его своим – долго на одном месте не стоял. Артиста, как и волка, ноги кормят. Гастроли – круглый год. Уже на седьмой день труппа покинула «славный город» Региомонтум и двинулась вдоль побережья на запад, в «славный город» Гданьск.

Перед отъездом я ещё раз наведалась в трактир, что посетила в момент своего появления здесь – на предмет: не отыщется ли «выход» из неудобного Средневековья домой, в двадцать первое столетие. Воспользовалась паузой в наплыве посетителей и тщательно осмотрела холл трактира. Нет – никаких потайных дверей или чего-то в том роде не обнаружилось.

А мой кот Блек сбежал. Не захотел, видать, покинуть родной город.

Погрузили барахло, включая реквизит, в четыре фургона, впрягли мулов – это их я за ослов приняла – и, помолясь, тронулись в путь. Я ехала в одной повозке с Барбарой, Себастьяном и его «половинкой» Мартой.

Жонглёр, акробат, силач Себастьян был крепок, жилист

и отталкивающе некрасив – с перекошенным ртом и постоянно дёргающимся веком правого глаза. Он, как я уяснила, бил горькую и колотил свою супружницу, да так, что та вопила благим матом. Но встречать в семейные разборки тут не принято. «Муж и жена – одна сатана», – пояснила Барбара, когда я поначалу возмутилась, видя творившееся у всех на глазах безобразие.

Марта «цирковой специальности» не имела, состояла при труппе стряпухой. Рыжеволосая чертовка с шалыми глазами, она напоминала ту деваху, «ночную бабочку», что домогалась меня в таверне. Женщина небольшого ума, она заигрывала с посторонними, не стесняясь мужа, за что и получала колотушки. Детей супругам Бог не дал, и это, судя по всему, не нравилось скорому на расправу мужу, подпитывало его злобу.

А вот Зуко и Мадлен, напротив, Господь даровал уже троих ребятишек, а в скором времени должен появиться и четвёртый – супруга Хозяина ходила на сносях. Потому-то Зуко и взял меня – пригодится, мол, вместо повитухи. Он тут всем заправлял – актёр, режиссёр и продюсер в одном лице. И, что удивительно – добряк; правильно Барбара сказала: «не шибко важный». Я верно угадала его специальность – клоун, причём, скорее, Белый, чем Рыжий.

Выступления Зуко заставляли зрителей и смеяться, и плакать. На сцену он выходил с партнёрами: мартышкой Лоло и осликом Симоном. Обезьянка ездил на осле верхом, пры-

гала через обруч, плясала под музыку Зуко. По окончании представления Лоло обходила зрителей со шляпой, в которую те щедро бросали медь и даже серебро. Гвоздём программы была сценка, когда Зуко пел балладу о смерти возлюбленной, а Лоло садилась рядом и смотрела на хозяина взглядом, исполненным жалости. У зрителей влажнели глаза, а самые чувствительные рыдали не стесняясь.

Ещё в труппе работала пара – близнецы брат и сестра Станко и Стелла, канатоходцы. Подростки лет пятнадцати, небольшого роста, тоненькие, как тростинки. Они такие трюки выделывали на верхотуре – у меня сердце обрывалось.

Мне тоже нашлась работа: не бог весть какая сложная, но опасная; если б не отчаянное положение – в жизни бы не подписалась на такую.

Сначала выдали сценический костюм: штаны, наполовину ярко-красные, наполовину ядовито-зелёные, и такой же окраски рубаху, только цвета на ней «поменялись» местами. На голову дали надеть светлый с мелкими кудряшками парик, а лицо приказали вымазать мелом. Как такое чучело выглядело со стороны, я не знала, да и знать не хотела – пусть, лишь бы зрители веселились, глядя на «дурака».

Собственно работа заключалась в следующем. Я выходила и становилась в центре сценической площадки. Зуко клал мне на голову яблоко, отходил на семь шагов и сбивал плод щелчком кнута. Такой вот «цыганский вариант» известной сценки с Вильгельмом Теллем.

В первый раз я даже не успела испугаться – щёлк! – кнут чуть коснулся волосков парика.

А потом я представила, что Зуко промазал, и... Со мной едва не случился нервный припадок. Он же мог меня убить! Сплетённый из полосок воловьей шкуры, длиной около двух с половиной метров, со свинцовым грузом на конце, кнут в опытных руках становился настоящим оружием. Барбара рассказала, что Зуко научился обращению с этой штукой у цыган, с которыми бродяжничал, сбежав из дому. Сам он был из семьи зажиточного крестьянина влаха (жителя княжества Валахия), но возиться в земле не хотел – тянуло на волю, прельщал кочевой быт. Зуко остался верен ему по сию пору.

Когда я стояла, подобно приговорённому к смерти на эшафоте, и смотрела как Хозяин берет свой ужасный бич, делает замах и, крутанув в воздухе кнутовищем, посылает его к моей голове, всё внутри обрывалось. Зажмуриваться не разрешалось. Я стояла, как вкопанная, уповая на точность движений Зуко, твёрдость его руки и... божью милость.

В дальнейшем номер усложнили. Сначала ставили на несчастную голову бутылку, и Зуко отщёлкивал кнутом – как ножом срезал – горлышко, потом шла очередь яблока, а затем – о, ужас! – исполнялся коронный трюк, «снятие парика». Все тем же бичом. Тут уже считанные миллиметры отделяли моё темечко от проносившегося пулей свинцового набалдашника, цепляющего завитки искусственных волос.

Публика оставалась довольна.

У меня же раньше времени появились первые седые волосы.

VI. «Опасный преступник»

1

Цирк наш теперь расположился в самом сердце Гданьска – на площади Длугий Тарг, что означает «длинный рынок», в двух шагах от Городской ратуши – внушительного здания, увенчанного высоченной башней. Места на площади хватало и торговцам с товаром, и нам со всем «движимым имуществом».

– Добрый город Гданьск, славный город, – нахваливала Барбара. – Король Казимир даровал сему граду вольности превеликие. Местные-то купчины зело богаты, да и мелкий люд не беден.

Старая карга не переставала удивлять меня эрудированностью. Она говорила на нескольких языках, разбиралась в торговых делах и в политике, а главное – в человеческих душах. От клиентов, желающих узнать судьбу, отбоя не было. Дамочки разных возрастов и, по-видимому, разных сословий, табунами шли в шатёр «прорицательницы Лари». Я не удержалась, подглядела через неплотно задёрнутый полог, как творилась «волшба». И что? То же самое, что и в двадцать первом веке! Курились пахучие травы, тускло отсвечивал «магический шар», раскладывались на столике карты,

а из угла на оробевшего посетителя с подставки смотрел пустыми глазницами человеческий череп. Отличалась, правда, колода карт. Во-первых, они значительно крупнее привычных нам. Во-вторых – в колоде аж 64 штуки: валетов, дам и королей дополняли «рыцари», «дьявол» и «смерть». А масти обозначались желудями, виноградными листьями, бубенчиками, и только червы – знакомым сердечком.

Это я уже потом рассмотрела, когда была допущена в «шатёр».

Бесовскую сущность «магических обрядов» Барбара постаралась нейтрализовать католической иконой Марии Магдалины. Иконка эта совсем не похожа на наши, православные. Я подумала даже, что вижу перед собой репродукцию известного полотна Тициана – изображение молодой женщины, обратившей взор к небу и прижимающей к груди правую руку.

В ответ на вопрос, откуда картина, Барбара строго поправила:

– Сие икона! Святая равноапостольная Мария Магдалина, заступница наша.

Сказала и перекрестилась на святой образ. Но не ладонью, как у католиков принято, а по православному, троеперстно. Именно так – не «двумя перстами». Но меня это не удивило.

Помню, испугалась тогда, в таверне, когда заметила: мои соотечественники крестятся двумя пальцами, а не тремя, как я. Подумала: ну всё, скажут – кукишем крестное знаме-

ние кладёт – бей его! Поразительно, но никто не обратил внимания. Должно быть здесь, слава Богу, ещё не начались распри между приверженцами двуперстного и троеперстного крещения.

Да здравствует толерантность!

Что же касается Барбары, её благочестие прекрасно уживалось с привычкой сквернословить по любому поводу и без оного, любовью к выпивке, а главное, с таким «нехристианским» занятием, как предсказания. За подобные дела, я думаю, тут можно и на костёр угодить. Хотя... вспомним того же Нострадамуса – никто его не гнобил, наоборот, был вхож к сильным мира сего.

Профессия Барбары здесь, как, впрочем, и во все века, приносила верный кусок хлеба.

2

В прошлой жизни, обитая в обычной девятиэтажке на улице 9 апреля в Калининграде, я считала, что газовая плита существовала и будет существовать всегда.

Вернее, нет, не так. Стала бы я какой-то плитой мозги засорять! Скорее, воспринимала газ, как данность; и только когда его отключили на сутки из-за аварии, прочувствовала важность этой простой и обыденной штуки. Не ценят, ох, не ценят люди двадцать первого века благ цивилизации и технического прогресса! Привыкли: захотел искупаться – напу-

стил в ванну горячей воды из крана, кофе попить приспичило – щёлкнул кнопкой чайника, полминуты подождал, и готово, осталось порошок залить кипятком... Зажрались, дорогие мои. А уж как разленились – просто беда. Без лифта на пятый этаж подняться – боже упаси! Две остановки пешком пройти, и то лень.

И я была такой же.

Лишь теперь поняла, какое счастье иметь возможность помыться. Без разницы – под душем, в ванне, в бане, да хоть из ведра ковшиком на себя лить. Только чтоб без посторонних глаз! И хотя бы тёплой водой – я уж не говорю о горячей.

И тут-то обнаружались почти неразрешимые проблемы: где помыться, и чем? В реке? Не сезон – вода холоднющая. Я бы вытерпела, вот только... нужно раздеться, прежде чем в речку лезть. А как разденешься, когда кругом, куда ни сунься, народ так и шастает. Купальника у меня нет, а если б и был – не вариант, выдам себя с головой. О последствиях страшно и подумать.

Ко всему прочему остро встала весьма деликатная проблема, знакомая всем женщинам, но мне удалось с ней справиться подручными средствами.

Здесьние дамы, как я успела заметить, моются не часто. Если вообще моются. Им-то, что – привыкли. А мне хоть на стену лезь! Как говорится, и денно и нощно, лишь об одном думала: я не перенесу этой пытки – неделями ходить грязной. И всё накручивала себя: начинало казаться, что прово-

няла вся, и педикулёз, поди, нажила, и чешусь, как блохастая псина... Мысли о необходимости помыться становились навязчивой идеей.

В первый раз кризис случился ещё на старом месте, в Региомонтуме. Полночи ворочалась на своём жёстком «матрасе», не могла заснуть. Поняла: сойду с ума, если что-нибудь не предприму.

Я поднялась, достала из-под тюфяка кусок бязи, прихватила обмылок, выглянула наружу: темень кругом и тишина – «табор» мирно спит.

Подобно ночному вору, стараясь не шуметь, выскользнула из своего жилища и двинулась напрямик к реке. Благо, она протекала метров в пятидесяти, и к ней тропинка вела.

На берегу я отошла чуть в сторону, где кустарник рос, а то мало ли, вдруг кто увидит.

Было прохладно, по ощущениям плюс десять-пятнадцать, не больше, но меня это не остановило. Я быстро разделась донага, потрогала ногой воду, поморщилась и, стиснув зубы, вошла по пояс. Окунулась по шею, вылезла, как смогла, намылилась, снова окунулась. Потом растиралась бязью, царапающей кожу, что твоя наждачка, приплясывала от холода, торопливо одевалась...

Ночное купание не прошло даром: утром рассопливилась, чихала; потрогала лоб – похоже, температура. Выпила таблетку из Ларисинового «наследства», горячего молока – этот продукт у нас не переводился.

Барбара, видя, что я расхворалась, поинтересовалась:

– Али неможется те, касатик? Где ж ты хвороба-то нашла, а?

Я отмалчивалась – не рассказывать же ей, что холодную ванну приняла. Старуха прониклась сочувствием, приготовила мне снадобье – из того же молока, только с добавлением свиного жира и каких-то трав. Ничего, помогло.

– Гони печаль-тоску от себя – хворь и не пристанет, – выдала сентенцию «целительница». И хитро подмигнула.

Старой карге не чужды, оказывается, философские взгляды и кое-какие познания в психотерапии.

После напастей, связанных с простудой, лезть в речку не хотелось. По вечерам, перед сном, обтиралась влажной паклей – больше грязь, конечно, размазывала, но становилось легче. Во всяком случае, на душе.

На весь «табор» у нас имелся только один очаг – при кухне. Его каждый раз на новом месте сооружали из камней и обмазывали глиной. Когда дождило, над ним устраивали навес из парусины. На кухне Марта хозяйничала: варила похлёбку или бобы, заправляя блюдо салом. Однообразнаястряпня до того осточертела – с души воротило. Впрочем, каждый волен готовить себе сам, в собственном котелке. Это иногда делали Зуко с Мадлен, а также Барбара – старуха частенько разжигала костерок поодаль от лагеря – варила «магические зелья», а может, кашу какую-нибудь.

У меня не было ни котелка, ни средств на его приобрете-

ние, а горячая вода позарез нужна. Надо... да нет – необходимо! – хотя бы раз в неделю помыть голову.

Я решила попросить Марту согреть немного воды.

Стряпуха сидела подле очага, держа на коленях деревянную миску с чёртовыми бобами, на которые и смотреть тошно; уплетала их, заедая сырым луком. Запашок стоял тот ещё.

– Битте, – вежливо сказала я, – их вилль... как это?.. хайс вассер – мне горячая вода нужна, ферштейн?

Марта прожевала, вытерла ладонью губы и... расплылась в улыбке.

– Schön, dass du willst, das verstehe ich nicht. (Красавчик, что ты хочешь, я не поняла)

Кто бы знал, как надоело мне это «schön»! «Красавчик» да «красавчик» – они что, других слов не знают?! Захотелось послать её подальше, но я сдержалась. Состроила ответную улыбку.

– Heißwasser (горячая вода), – повторила я, стараясь выговаривать правильно.

Марта встала, подошла вплотную. Игривая улыбка не сходила с её уст.

– Warum? – спросила она, дохнув луком, – Ich dich küssen besser (Лучше я тебя поцелую).

Я невольно отпрянула: что она задумала? Никак, целоваться лезет. Не увидел бы её ревнивый муженёк... Чёрт! Так и есть – Себастьян тут как тут! Грозно сверкая глаза-

ми, достал из-за пояса нож – показал мне, потом отвесил смачную оплеуху супружнице – та в крик, и бежать! Себастьян ещё раз пробуравил меня глазами, спрятал нож и пошёл вразвалочку к своему фургону.

Господи, боже ты мой! Не хватало только из-за какой-то дуры получить ножом в живот.

Тяжело вздохнув, я отправилась к Барбаре: просить согреть мне воду.

3

Одно курьёзное происшествие нарушило наше довольно-таки скучное времяпровождение. Я узнала, что в ближайшее воскресенье состоится суд. Но не над убийцей каким-нибудь или вором, даже не над колдуном или ведьмой, что само по себе нелепо, а над... ослом. Длинноухий «преступник» обвинялся, ни много, ни мало, в непотребном и развратном поведении, а именно – в мужеложстве! Уж не знаю, ставили ли в вину этому негоднику-ослу насильственные действия по отношению к его партнёрам, или речь шла о добровольном совокуплении, только животное привлекалось к ответственности по всей строгости закона.

Мне когда-то давно приходилось слышать или читать о средневековых судах над животными, но до этого процесса я воспринимала такие судилища смешной нелепостью, чем-то вроде анекдота. Ну не могут на полном серьёзе взрослые

люди заниматься подобной чепухой!

Так думала я, представляя себе процесс, где на скамье подсудимых стоит (лежит, сидит) какой-нибудь кабанчик или петух (помните анекдот советских времён, в котором петуха посадили по политической статье – пионера клюнул).

На самом деле почти так и было. Рыночная площадь, забитая битком жадными до зрелищ горожанами, высокий суд, представленный строгого вида человеком, облачённым в сине-белую горностаевую мантию, и стоящий у столба подсудимый – обыкновенный серый, буроватый в холке осёл.

Барбара, которая, собственно, и привела меня на необычный процесс, помогла протолкнуться в первые ряды зрителей. Она же, как могла, переводила мне, плохо понимающей немецкую речь.

Судья огласил обвинение. Признания или отрицания вины у подсудимого, естественно, не спросили. Перешли сразу к допросу свидетелей.

– Он эта... ничего такого, ваша честь, – растолковывал судье хозяин осла. – Однако ж, ему пары-то нету, ослицы то есть... Не стерпел, сердечный, и вона что вышло...

Хозяину было явно жаль собственную скотину. Но судья строго заметил что «непотребство не извиняется отсутствием самки».

Другие свидетели были настроены к ослу враждебно. Толстая баба, соседка хозяина осла, рассказала суду, как наблюдала греховную связь подсудимого с животным мужского по-

ла.

– Иду я, значит, по лугу, гляжу один осёл на другого влез и наяривает... Соседов то был осёл, ваша честь.

Выступил и обвинитель, заявивший что «непотребство и разврат должны пресекаться суровым образом», и что «никому не дозволено нарушать божественное установление о соединении только противоположных полов». И осквернять землю греховной связью».

– А посему сей преступник-осел должен быть незамедлительно отправлен на живодёрню. С хозяина же сего мерзкого животного следует удержать штраф в размере одного талера в доход казны.

Зрители возгласами одобрения поддержали речь прокурора.

И погибать ослу на живодёрне, если б не защитник.

Да, у подсудимого был адвокат! Честные европейцы не могли расправиться с преступником, не дав тому возможности оправдаться. Потому на процессе, равно как и любом другом суде, кроме обвинителя присутствовал и защитник интересов подсудимого.

Адвокат зачитал свидетельство другого соседа несчастного хозяина осла, священника преподобного отца Симона, в котором тот ручался за высокую нравственность и добропорядочность животного.

– Показаниям людей, уличающих осла в совершении богомерзких действий, нет веры! – заключил свою речь адво-

кат подсудимого.

Вняв доводам защитника, судья оправдал предполагаемого преступника, и присудил не лишать того жизни. При этом он наложил штраф на хозяина осла (непонятно, за что?), правда, гораздо меньшего размера и обязал последнего оплатить судебные издержки.

Закон, эта фундаментальная ценность европейской цивилизации, не был нарушен.

Как говорится, и волки сыты, и овцы целы.

VII. Ларискино «наследство»

1

Выступая на «цирковой арене», я рисковала получить серьёзное увечье, а то и вовсе «откинуть тапочки», но денег не видела, работала «за харчи». Наши, особенно Себастьян и Барбара, частенько навевались в кабачок, двери которого выходили в сторону «табора». Я же довольствовалась порцией похлёбки, «фирменным блюдом» Марты – бобами с салом, реже – отварной рыбой, и уж совсем редко – кусочком курицы.

Более всего печалило отсутствие картофеля. Он ещё не добрался сюда из Америки, застрял на полпути, в Испании, наверное. Мне ночами снилось: ем варёную картошку с солёной. В трактире, думаю, тоже не бог весть какими деликатесами потчевали посетителей, но всё-таки разнообразие. А тостряня Марты – вот уже где!

Раз Барбара угостила меня жареной на вертеле свининой, принесённой из «злачного заведения». Она явилась тогда сильно навеселе и проявила щедрость: поделилась кусочком восхитительно пахнущего, приготовленного со специями и травами, с хрустящей корочкой, мяса.

Себастьян, тот возвращался из кабака не просто выпив-

ши, а «на бровях», громко орал, непотребно ругался и гонял свою благоверную.

Временами меня тоже тянуло напиться: тоска подкатит под сердце – хоть волком вой. Но не на что, и это, пожалуй, к лучшему, а то спилась бы к чёрту. Хорошо, что «бодливой корове Бог рог не даёт».

Один Господь знает, как долго пребывала бы я на положении подмастерья, без гроша в кармане, когда б Зуко, вернее, жене его, Мадлен, не понадобились мои профессиональные навыки.

– Джек, вставай скорее! – разбудил меня среди ночи Хозяин.

Я сразу поняла: у Мадлен начались роды. А по прикидкам супругов до этого события ещё недели две, как минимум. Обычное дело – ошиблись в расчётах.

Быстро поднялась – спала одетой – и пошла с Зуко к их «семейному» фургону.

– Я послал за повитухой, – объяснял Зуко по пути, – только боюсь, она не успеет.

Говорил он по-немецки, но я почти всё понимала: нужда припрёт – и китайский за неделю выучишь.

В фургоне тесно, как в берлоге: тут и узлы, и сундуки с корзинами, и испуганные дети жмутся в угол, и роженица стонет – сущий бедлам! Старшего сына Зуко отправил за повитухой, мелюзгу я приказала увести в мой «шалаш», и воды горячей наказала принести, в общем, спровадила Хозяина,

чтобы не мешал.

На всё про всё ушло около часа. Хвала Создателю, обошлось без осложнений. Повивальная бабка прибыла, когда новорождённую девочку я уже передала счастливому папаше.

Старая акушерка бросила на меня сердитый взгляд – я отобрала её «кусочек хлеба», и пробурчала что-то вроде «юнцы не должны принимать роды». Она, как и прочие, видела во мне молодого парня.

Зуко, конечно, доволен был – и мной, и удачным исходом разрешения от бремени супруги. Меня «повысили в звании». Отныне я становилась полноправным участником труппы и имела долю в доходах от выступлений. Об этом объявил Зуко при очередном расчёте за неделю, подкрепив заявление вручением монеты в один чех – первые заработанные в качестве «циркового артиста», и акушера по совместительству, деньги.

Монетка была размером с наш рубль и имела ещё одно название: «полторагрошевик». Полтора польских гроша! Я не знала, радоваться мне или плакать: за гроши вкальваю. В буквальном смысле. В здешних ценах я ни в зуб ногой, знала только, что в Северных землях (польских, литовских, немецких) в ходу «гроши» и «талеры» (1 талер равен 24 грошам).

Оказалось, не так уж и мало заработала я за неделю. На мою зарплату можно купить курицу или две дюжины яиц!

Барбара, отвечая на расспросы, рассказала: слуги здесь

получают до шести талеров за год, мастер-кровельщик имеет до половины талера в день, а наёмник кнехт – целых два. О своих доходах «прорицательница» скромно умолчала.

А я продолжила карьеру «на манеже», теперь уже не только как подставка для сбиваемых Зуко предметов. Чтобы рассмешить публику, я, как велел Хозяин, изображала страх: начинала дрожать, и бутылка падала с головы, прежде чем Зуко щелкал кнутом. И так несколько раз подряд. Зрители хохотали до слез, а мне и изображать ничего не приходилось: боялась бича, как удара молнии.

Потом номер дополнили падением: после сбивания парика я валилась на землю, якобы без чувств – такой вот трагикомический элемент.

Валять на сцене дурака только со стороны кажется просто. Падать на спину, да так, чтобы выглядело естественно, и при этом ничего себе не отбить – искусство. Пришлось научиться. Попутно Зуко обучал меня разным клоунским приёмам: мимике, жестам, несложным фокусам, вроде «отрывания пальцев».

Тысячу раз прав наш Главный, утверждавший, что «человек ко всему привыкает». И я пообвыклась тут, приноровилась, притерпелась. И примирилась... почти. Нет, всё-таки Владлен Сергеевич не прав! Можно ли смириться, если тебя, скажем, ни за что упрятали в тюрьму? Или увезли, не спрашивая согласия, в чужую страну, и не отпускают домой? Пробовала уговаривать себя смотреть на происходящее, как

на захватывающее приключение. Не каждому ведь выпадает такая «удача» – оказаться в шестнадцатом веке! Только без толку. В гробу я видала такое «везение»! Не хочу!

Да вот беда – согласия-то моего никто не спрашивал. Хоть ори, хоть вой, хоть башку разбей – не поможет. Остаётся терпеть. И надеяться. Без надежды жизнь теряет смысл, лучше сразу в петлю.

Днём, на людях, легче – забываешься, а вечером, как солнце на закат идёт – выступление. Работа. Но приходит ночь и... Опять вокруг беспросветный мрак, в прямом и переносном смысле.

Я нашла отдушину – Ларискин мобильник. Провидению было угодно снабдить меня зарядным устройством-«жужжалкой». Батарейку я подзаряжала днём, чтобы не будить людей и не привлекать внимание непривычным звуком. Другое дело, когда в лагере шум и гам, все домашними делами заняты – ухожу в палатку и жужжу, пока мобила не «оживёт». А уже ночью, едва народ расплзётся по своим «норкам», достаю аппарат и погружаюсь в привычную стихию. Звук ставлю на минимум, и – вперёд. Играю в «Angry Birds» – помогаю птицам воевать со свиньями. Мой племянник, Костик любил всякие «пищалки» телефонные. Я, разумеется, посмеивалась, а теперь сама приохотилась играть. Будь у меня компьютер – стала бы заправским геймером.

Ещё у Лариски куча клипов записана. Мура, конечно, вроде Стаса Михайлова, но я каждому исполнителю радовалась

как родному. Даже всем этим силиконовым куклам, коих в шоу-бизнесе расплодилось, как собак нерезаных.

Спасибо тебе, Ларочка!

2

Меж тем приближалась зима. Дождило. Ветрено стало и слякотно. Скоро, похоже, полетят «белые мухи». Темнело теперь рано, мы давали представления при свете факелов, жгли костры – грелись по очереди.

Удивительно, но зрители приходили исправно. Даже в дождь, если, конечно, не сильно лило. Вот уж истинно: охота пуще неволи. Здешний народ хлебом не корми – дай зрелищ.

Днём одна Барбара бывала занята – принимала клиентов. Остальные «по домам» сидели. Я, спасаясь от скуки, доставала телефон, играла, или слушала музыку.

В «вигваме» холодно и неудобно, как в нетопленном бараке. Я сидела, закутавшись в зипун, и смотрела подборку «приколов» из «Наша раша». Лариске нравился Миша Галустян в роли таджика-гастарбайтера Равшана. В прежней жизни я бы не стала смотреть такую ерунду, но теперь и меня рассмешил этот нелепый персонаж. Вообще-то Галустяну и говорить ничего не надо: на него посмотришь – уже смешно. А когда он произносит своё коронное «начайлик»...

Я расхохоталась. Наверное, смех был нервным – своеобразная реакция на постоянный стресс. Непроизвольно вы-

рвалось.

– Что это у тебя такое? – услышала я и вздрогнула от неожиданности.

Станко бесцеремонно влез ко мне в «шалаш», и стоял, разинув рот. Маленький и гибкий, как угорь, мальчишка умудрился войти бесшумно, страшно меня напугав.

Я стала лихорадочно прятать мобильник за пазуху.

– Нет, нет... это так... талисман, оберег, – бормотала я. От волнения тряслись руки, и никак не получалось убрать телефон с глаз долой.

– Покажи, Джек, – стал упрашивать мальчишка. – Ну, покажи!

Он почти кричал. Не хватало ещё, чтобы остальные сбежались.

– Не говори так громко, – попросила я. – Хорошо, смотри.

Я успела выключить мобилу. Надеялась, что Станко отстанет, осмотрев «мёртвый» аппарат. А тот цепко ухватил и стал вертеть в руках, разглядывая диковинку: совсем ещё мальчишка, хоть и вполне самостоятельный, даже умудрённый жизнью.

Возможно, Станко удовлетворился бы поверхностным осмотром, если бы случайно не включил на телефоне дисплей. Высветилась фотка, а на ней Лариса в купальнике, выгодно подчёркивающим её фигуру.

Не знаю, что больше поразило мальчишку: «волшебное» появление картинки, или полуобнажённая красotka на ней,

но глаза у Станко заметно округлились.

– Джек, – зашептал он, – продай мне... этот талисман!

– Нет, – твёрдо сказала я, забирая мобилу.

– Продай, – настаивал Станко, – я дам тебе два талера... три талера!

Я покачала головой.

– Нет! И не проси. Это мой талисман, он не продаётся!

Станко замолчал, чего-то обдумывая.

– А хочешь, – опять зашептал он горячо, – я ночью сестру приведу?

– Чего? – не поняла я.

– Тебе же нужна женщина, Джек, я вижу. Знаю, тебе голые снятся. Ведь, снятся?

Ах, паршивец, что удумал! Прибить бы тебя на месте!

– Скотина ты безрогая, – сказала я по-русски. – Родную сестру готов продать!

Станко, кажется, уловил родственные слова – они с сестрой родом из Далмации, хорваты. Во всяком случае, он понял, что я сержусь, сидел понурясь.

Я перешла на немецкий:

– Уходи! И больше не заходи сюда!

Словарный запас не позволил, а то выдала бы всё, что о нем думаю.

Станко убрался восвояси, а я пребывала в смятении: он теперь раззвонит, мол, у Джека волшебная коробочка есть; не ровен час, кто-нибудь пожелает её заполучать. Да и сам

мальчишка может, чего доброго, зарезать. Ему так захотелось занять игрушку, что даже сестру-близняшку собрался подложить под «парня», с которым и знаком-то без году неделю. Мало мне проблем – ещё одна добавилась.

Я убрала мобильник так далеко, как смогла. И спала теперь «в пол-уха», каждого шороха пугалась. Станко я, по возможности, старалась держать в поле зрения.

А этот негодник, видя, что наблюдаю за ним, истолковал по-своему, и стал делать знаки глазами: укажет взглядом на сестру, и мне подмигивает, паразит! Его логика понятна: парень, то есть я, не может не испытывать влечения к женщинам, а денег на жриц любви у него нет, значит, рано или поздно, он сдастся и примет предложение. Меня бесили его цинизм и беспринципность.

Впрочем, может здесь такие сделки в порядке вещей?

Когда я смотрела на хрупкую Стеллу, у меня тошнота подступала к горлу при мысли о мерзких предложениях её брата, и злость закипала, хотелось двинуть ему по... между ног, в общем.

А девчонка бесстрашно ходила по канату, натянутому между двух столбов – их мы возили с собой – на высоте не менее четырёх метров. Балансировала специальными штучковинами, вроде больших вееров, и не просто ходила, а танцевала, выполняла кульбиты, садилась на шпагат. Честное слово, я за неё больше переживала, чем за себя, когда с меня кнутом сбивали парик.

Станко тоже работал хорошо, ничего не скажешь: ловок, как наша любимица Лоло. И по интеллекту недалеко ушёл. (Тут во мне злость говорила).

Вечер был как вечер – обычный. Погода пасмурная, но без дождя и ветра, что здорово облегчало нашу цирковую жизнь. Канатоходцы работали номер, зрители умолкли, с восторгом наблюдая за танцующей Стеллой.

«Вор! Держи его!», – раздался вдруг истошный вопль, возникла небольшая суматоха. Из толпы зрителей вынырнул мальчишка лет десяти и стремглав бросился наутёк, прямо через нашу «арену».

Себастьян – он уже отработал и грелся возле костра – оказался у воришки на пути. Циркач ловким движением схватил пацана за шиворот, а тот извернулся и впился ему в руку зубами. Тут уже Себастьян взревел медведем, и так саданул беднягу, что незадачливый вор с визгом отлетел на середину площадки.

Этот шум и послужил причиной трагедии: Стелла сбилась с шага, оступилась и полетела вниз. Станко стоял на верхушке столба и ничем не мог помочь сестре. Девочка попыталась ухватиться рукой за канат – тщетно. «А-ах!», – пронеслось над публикой.

Наши со всех сторон поспешили к несчастной девочке. Я подбежала первой.

То, что я увидела, заставило вздрогнуть: у Стелы из окровавленного предплечья торчали острые края переломанной

надвое кости.

Я подавила готовый вырваться крик и закусила губу – не время охать да ахать. Без паники, взять себя в руки. Так, что мы имеем...

Отбросив обывательскую растерянность, я «включила» в себе профессионала – даром ли на «скорой» работала.

Первым делом гемостаз – остановить кровотечение. Наложить повязку, приподнять конечность повыше, холод местно. Мысли шелкали как на экзамене.

А пострадавшую подняли с земли Себастьян и Зуко.

– Осторожно! – воскликнула я. – Ради бога, аккуратнее!

От волнения говорила по-русски.

А тем двоим только и забот – убрать девочку «со сцены», чтобы продолжить представление – работа, мол, прежде всего.

Станко – он был уже внизу – плакал, не стесняясь. Мне стало жаль мальчишку: переживает за сестру, значит, не совсем безнадежный эгоист. Но им заниматься не досуг.

Зуко, прежде чем пойти к публике, спросил:

– Ты сможешь ей помочь, Джек?

Я молча кивнула. Потом вспомнила: нужен антисептик.

– Зуко, мне надо... как это... – перешла на русский, – спирт, водку, или что тут пьют... ах, да – «выборову»!

– «Выборова»? – переспросил Хозяин, и уточнил: – Алкоголь?

– Да, да, алкоголь.

Зуко крикнул своего мальчика, тот притащил мне початую бутылку с зеленоватой жидкостью. Сам Хозяин пошёл делать номер.

Я, как смогла, обработала рану хмельным напитком, и наложила повязку из принесённого Станко куска бязи. Потом достала из кармана лекарство – две таблетки из оставшихся четырёх, размяла в порошок и всыпала Стелле под язык. Станко по моему указанию отправился за дощечками для шины.

Девочка громко стонала. Я уговаривала:

– Потерпи, милая. Всё будет хорошо...

Какое там, хорошо! Не начался бы столбняк, а то и гангрена. У нормального врача антисептики и антибиотики, а у меня – чёрта лысого. Но ведь как-то здесь лечат раны...

Подошла Барбара, заохала:

– Ой, лихо! Бедное чадо!..

Ну, причитаний мне здесь не хватает! Хотела сказать бабушке: «заткнись!» да спровадить с глаз долой, но та, оставив нытьё, стала помогать, и довольно умело.

Она поспешила к себе в «шатёр», принесла котомку, а в ней – «походную аптечку». Барбара извлекла шкалик с мутной жидкостью, нацедила в кружку.

– Что там? – строго спросила я. – Чем её напоить хочешь?

– Отваром. Маковым зельем, – пояснила старая. – Боль уймёт. Дюже доброе снадобье. Давай-кось, придержи чаду головку...

Обезболивающее?.. Чёрт с ним, хоть такое...

Репозицию обломков кости, по правилам, должен делать врач. Но правила остались там, в двадцать первом веке. Вместе с рентгеновскими аппаратами. Я не раз ассистировала хирургу и хорошо знала, что делать, и как. Больше всего опасалась развития у пострадавшей болевого шока. Постоянно контролировала пульс девочки. Барбара помогала: поддержать, подать, приподнять... Попутно она объясняла, какие травы надо использовать, и в какие сроки.

Я ничего не поняла и не запомнила. Ладно, потом разберёмся.

Провозились мы до полуночи.

VIII. «Я скромной девушкой была»

1

Несчастье, случившееся с девочкой, поломало планы Зуко. Он-то собирался в ближайшие дни двигаться дальше на запад, а тут такое несчастье. Я категорически заявила: «Больная должна оставаться на месте весь ближайший месяц». Хозяин, разумеется, из-за одной девчонки не стал бы задерживаться, просто оставил бы её здесь – пусть выживает, как сможет, но Станко ни за что не хотел бросать сестру одну. Молодец, хоть тут оказался человеком. Зуко не с руки остаться совсем без канатоходцев, кроме того, не за горами Рождество, а затем Святки – время «делать чёс», как сказали бы артисты двадцать первого века. Что касается рождественского поста, начавшегося нынче, то он нам не помеха: в Гданьске даже в пост власти не накладывали запрет на цирковые представления.

Жизнь, можно сказать, устоялась. Дни текли похожие один на другой, как клоны. Уход за Стеллой да вечерние представления – вся моя работа. Состояние девочки, сначала внушавшее мне большие опасения, мало-помалу стабилизировалось, боли уже не так её мучили. Барбара здорово помогла мне, приготовив снадобье из медного порошка (ис-

тёрла наждаком монетку) и яичного желтка, которое я давала больной дважды в неделю.

Обработанную рану я смазывала мазью, сделанной Барбарой из живицы – еловой смолы. Ещё она дала мне окопник и чернокорень – «дуже добрыя травы от полома косточек». Я наложила девочке лангету, рассчитывая заменить её, как только позволит состояние раны, на гипсовую повязку. Гениальный Пирогов ещё не родился, и гипс здешние лекари использовали отдельно от бинтов. Но я-то знала, как сделать лучше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.